

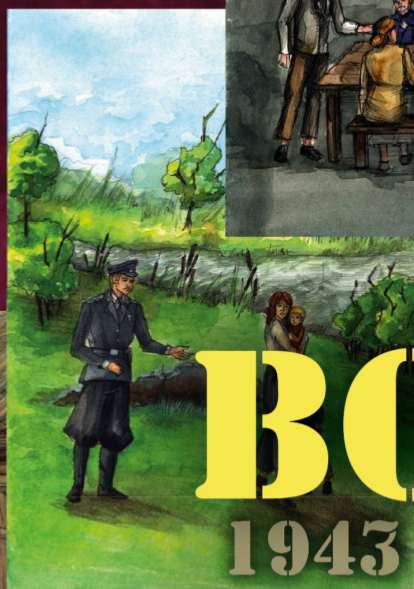
Е.Ф. Яськов

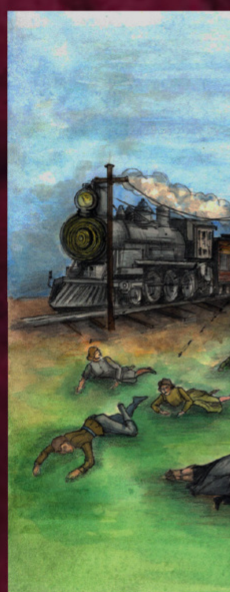
1945

1944

1943

1942

1941

ВОЙНА глазами РЕБЕНКА

МОСКВА-2021

ЕВГЕНИЙ ЯСЬКОВ

Война глазами ребенка

«Издательство «Перо»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Яськов Е. Ф.

Война глазами ребенка / Е. Ф. Яськов — «Издательство «Перо»,
2021

ISBN 978-5-00171-784-3

В книге от лица мальчика рассказано о событиях, участником которых он был в годы Великой Отечественной войны, оказавшись на оккупированной фашистами территории в Белоруссии, а также после ее освобождения. Книга может представлять интерес как для детей, так и взрослых. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-784-3

© Яськов Е. Ф., 2021
© «Издательство «Перо», 2021

Содержание

От автора	6
В преддверии нового счастья	7
Война началась	12
Дорожные страдания	17
Перед приближением фронта	27
Первые оккупанты	34
Пленные красноармейцы	41
Зеленый крест	44
Последний окруженец	56
Беглянки	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений Яськов
Война глазами ребенка

© Яськов Е. Ф., 2021

От автора

Уважаемый читатель! Истории, о которых в этой книге рассказано, – не о войне, но о событиях с нею связанных. Их я наблюдал или участвовал в них, когда был еще ребенком. Хотя с тех пор прошло более 70 лет, но они не выветрились из моей памяти. Может быть, поэтому я и решил рассказать об этих событиях, чтобы освободить свою память от них.

Еще одна существенная причина – почему я решил рассказать об этом, вспомнить детство – это то, что сейчас молодые люди имеют весьма смутное представление о том времени, когда их деды и прадеды в труднейших условиях 1941-1945-го годов обеспечили своим потомкам возможность жить.

Истории изложены в хронологическом порядке – от 22-го июня 1941 г. до 9-го мая 1945 г. Мне в начале этого отрезка времени было 5 лет. В рассказанных историях ничего не выдуманно. Названия городов, деревень, поселков, а также фамилии и имена действующих лиц, за редким исключением, являются подлинными.

Читателю может показаться чрезмерным количество деталей, на которых я останавливаюсь, заостряю внимание, но надо иметь, в виду, во-первых, масштабы происходящих событий – это деревня, поселок, семья. А, во-вторых, что могло, прежде всего, бросаться в глаза маленькому мальчику, как не эти детали, зачастую необычные? Но, как представляется, эта конкретика помогает воссоздать исторический колорит жизни людей в период фашистской оккупации и после нее.

Истории излагаются от лица мальчика, который был их участником, с использованием слов и выражений, бывших в обиходе людей, его окружавших.

Пояснения, а также некоторое осмысление тех далеких событий сделаны мной уже с позиций сегодняшнего дня, но, по большому счету, и я, в том детском возрасте, и члены моей семьи, и жители деревни правильно схватывали суть происходившего тогда и выразительно, красноречиво сами его объясняли.

В преддверии нового счастья

Приближался Новый год – 1941-й. Мы в это время жили в Черновицах. Сюда мы с мамой переехали, как только отец получил здесь квартиру. Он служил помощником начальника штаба 364-го полка 60-й стрелковой дивизии, которая расквартировалась в окрестностях Черновцов после соглашения в июне 1940 г. с Румынией о передаче нам Северной Буковины.

Квартира находилась на последнем этаже 4-х этажного дома. В этом же доме жили и многие другие командиры. Нашими соседями по площадке были еще две семьи: еврейская, состоящая из старика и старухи, и семья сослуживца отца Александра Селиверстовича Довбенко. У него была жена Вера и маленькая дочь Алла.

Наша квартира состояла из двух комнат: большой проходной и маленькой запроходной, где мы спали. В квартире были кухня, ванная, туалет и чулан. Надо сказать, что мы впервые оказались в столь благоприятных для жизни условиях. До этого приходилось жить в казарме, снимать комнату.

В дивизии к встрече Нового года готовились основательно. В подразделениях всюду кипела работа: красноармейцы украшали еловыми лапками казармы, прикрепляли к стенам плакаты, нарисованные полковыми художниками, обновляли боевые листки, писали поздравительные письма домой. Всеми владело ощущение приближения праздника, полюбожившегося с детства. И хотя все уже были давно не детьми, прошли Финскую, но потаенное чувство ожидания этой встречи жило почти в каждом.

Общее ощущение радости было вызвано не только приближением Нового года, но и тем, что позади осталась тяжелая Финская, что остались живы и что военно-политическая ситуация в перспективе была благоприятной для СССР.

К встрече Нового года готовились и жены командиров. Мама и тетя Вера подолгу что-то обсуждали, спорили, просили меня посидеть с дочкой тети Веры, пока они сбегают в магазин.

Хотя мне к тому времени было уже пять лет, но я еще ни разу не встречал Новый год. В 1937-ом мне было лишь 8 месяцев и о том времени у меня в памяти ничего не сохранилось. 1938-й и 1939-й годы – это жизнь в казарме, может быть, родители и встречали Новый год, но елки дома не было. А в 1940-м году отец был на фронте, мы с мамой жили в Гродно в каком-то полуподвальном помещении, так что было не до праздника.

Я много слышал о разукрашенных елках, о Деде Морозе и Снегурочке, о подарках, которые они дарят детям, но воочию их никогда не видел. И вот теперь я с нетерпением ожидал наступления Нового года, предвкушая радость от встречи с ними.

До Нового года оставалось три дня, два, а потом – один, но елка у нас не появилась, да и у дяди Саши тоже. Отец, видя мое неудовлетворенное лицо, успокоил меня:

– Потерпи. Елка будет общая – в городском клубе, где для комсостава и их жен и детей будет организована встреча Нового года. Там и подарки будут вручать и будет еще много интересного.

31-го декабря первой меня поздравила тетя Вера. Она, как всегда, ворвалась к нам в квартиру, схватила меня в охапку, расцеловала и сказала:

– Ну, Женёчек, с наступающим Новым годом, с Новым счастьем! И вот тебе подарочек, – и протянула мне кулек с подушечками. Мама тоже подарила мне конфеты, это были мои любимые «раковые шейки». Днем со службы пришли отец и дядя Саша. Отец подарил маме красивую кофту, а мне – жестяную коробочку с монпансье. Это были мелкие, вкусно пахнущие, разноцветные леденцы. Все знали мои слабости в отношении сладкого и теперь их удовлетворяли.

Последним с подарками пришел дядя Саша. Он прямо с порога продекламировал:

– Вперевалочку идет косолапый мишка, он в подарок петушка принес и большую шишку, – и протянул мне красного петушка на палочке и еловую шишку. Обняв меня, сказал:

– Ну, молодой боец, с наступающим Новым годом, с Новым счастьем! А этот петушок тебе, чтобы разбудил тебя утром 1-го января – прокукарекал!

Вечером мы отправились в городской клуб. Посреди вестибюля стояла высокая разукрашенная елка со звездой на макушке. Вдоль стен сидели жены командиров. Дети бегали вокруг елки, но Деда Мороза и Снегурочки не было. Это меня огорчило, хотелось посмотреть на них вблизи.

Когда зал заполнился, ведущий объявил, что сейчас будем играть в «третьего лишнего» и попросил всех встать парами друг за другом вокруг елки. Суть игры заключалась в том, что один из игроков с ремнем в руках становился около елки, а другой – за пределами круга. Его должен был осалить тот, что был с ремнем. Убегающий мог встать впереди любой пары и тогда сзади стоящий игрок становился «третьим лишним» и мог получить довольно сильный удар офицерским ремнем по заднице. Потом они менялись ролями: ударивший, бросив ремень, убегал, а осаленный догонял.

В зале стоял смех и женский визг, потому что развеселившиеся командиры иногда довольно сильно салили ремнем женщин, которые были все в нарядных, тонких шелковых платьях. Отец и мама участия в игре не принимали, хотя мне хотелось, чтобы и они побегали с ремнем и посадили зазевавшихся.

Когда пришедшие вдоволь набегались, насмеялись, ведущий пригласил всех пройти в зал, где будет показан фильм «Чкалов» Мне еще не приходилось бывать в кино и предстоящее

событие меня заинтересовало. Места наши были в середине зала. Экран отсюда был виден хорошо, но звук – еле слышен, поэтому многое из того, что происходило на экране, мне было непонятно. Из всего увиденного мне запомнились только две сцены – когда Чкалов пролетал под мостом и финальная – обломки его самолета после крушения. Чкалов мне понравился – открытое, мужественное лицо и я переживал, что он погиб.

После просмотра фильма все вышли в вестибюль, где каждый мог взять себе на память любую игрушку с елки. Когда подошла наша очередь, то игрушки оставались только на верхних ветках. Их без лестницы было не достать, поэтому мы остались без подарка. У выхода из клуба ведущий еще раз поздравлял всех с наступающим Новым годом и желал в Новом году здоровья и Нового счастья.

На улице я спросил маму:

– Вот все желают нам Нового счастья. А что это такое?

Мама, немного подумав, ответила:

– Ну, это такое счастье, какого раньше не было.

А чего раньше у нас не было?

– Ну, например, квартиры. Разве это не счастье – получить квартиру со всеми удобствами?

– Ну а теперь, когда у нас уже есть квартира, какое может быть для нас Новое счастье?

Мама сказала, чтоб я спросил отца. Тот шел сзади и слышал наш разговор, поэтому сразу ответил:

– У нас есть квартира, у тебя – велосипед, войны нет, казалось бы, что еще нам надо? Но в жизни бывает так, что вдруг неожиданно-негаданно на человека сваливается такое счастье, о каком он и во сне не мечтал. Вот ты сейчас с папой и мамой с елки домой идешь, правда, без подарка, но все равно довольный: елку увидел, кино посмотрел, понаблюдал, как взрослые дурачатся – ремнем стегают друг друга. И даже не представляешь, что в Новом году у тебя появится сестренка или братик. Разве это не Новое счастье?

Я мигом оживился: «Правда? Самые настоящие? Вот будет здорово! А то все один да один».

Домой мы пришли поздно, поэтому меня сразу отправили спать, а отец и мама пошли к Довбенкам встречать Новый год. Тетя Вера вкусно готовила, и там уже накрыт был стол.

Я долго не мог уснуть, ворочался, всё пытался представить себе – каким оно еще может быть Новое счастье?

Начавшийся 1941-й год ничем не отличался от старого. Как всегда ели, гуляли, иногда с отцом ходил или ездил на велосипеде в его штаб и – никакого Нового счастья! Я даже перестал его ждать, но, наконец, 12 мая оно к нам пришло – родилась сестренка Света. Правда, для меня оно не стало неожиданным-негаданным, потому что отец меня заранее об этом предупредил.

Но вот 22-го июня 1941 г. это самое неожиданное-негаданное счастье к нам пришло. При этом в таком виде, в каком и во сне его вряд ли можно было представить: немцы нас расстреливали из пулеметов, бомбили, топили на Днепре, а мы остались живы! Правда, тогда мы не думали, что это счастье, считали, что нам просто повезло.

Но много позже, уже после войны, когда старшие вспоминали этот страшный 41-й год, возник вопрос: а как же назвать то, что случилось с нашей большой семьей, когда мы с мамой убежали из-под самого носа фашистов и живыми добрались до бабушки и дедушки; а отцу в это время удалось избежать плена, хотя вся его армия оказалась в окружении, а потом – увидаться с нами и уйти в партизаны; а деду – вырваться из рук фельд-жандармерии, когда его хотели расстрелять за угон колхозного стада в Брянскую область? Вроде получалось, если все это обобщить, что 1941-й год стал для всей нашей семьи счастливым, как того и желали нам знакомые.

Но, когда это наше счастье соприкасалось с несчастьем сотен тысяч, миллионов наших соотечественников, которым, как и нам, тоже наверняка желали счастья в наступающем году, то такое счастье как-то переставало радовать, не согревало душу. Так, счастье ли это было на самом деле или что-то другое?

Война началась

О том, что началась война, я узнал утром 22-го июня 1941 г., когда проснулся в чужой, незнакомой мне квартире. Больше всего меня удивило даже не это, а увиденный мной автомат, прислоненный к дивану, на котором я лежал. Его ложе, покрытое желтым лаком, блестело в солнечных лучах, оттеняя черный ствол с черным круглым диском.

Что это за оружие – я знал: я видел его у красноармейцев, когда бывал в штабе у отца. Поэтому мое удивление было связано не столько с самим автоматом, сколько с появлением его в квартире, более того, – у самых моих ног. У отца, а также у всех его сослуживцев, были только пистолеты. А здесь вдруг в квартире и такое оружие!

Увидев, что я проснулся и разглядываю автомат, ко мне подошла мама и взволнованно сказала: «Война, сынок, война!». Это сообщение не произвело на меня никакого впечатления, так как в нашей семье всегда говорили о войне, чаще – о Финской, на которой отец воевал и был тяжело ранен. Мама, по-видимому, чувствовала разницу между той и этой, только что начавшейся войной. Та война велась где-то далеко, за пределами нашей страны, эта же стояла у порога нашего дома и должна была неминуемо коснуться всех нас. Мы жили на границе, в чужом городе, среди чужих людей, которые нас не только не любили, но и часто старались сделать нам что-нибудь неприятное. Буквально накануне один из местных мальчишек, который был гораздо старше меня, звал меня к себе домой, чтобы показать какую-то интересную книгу. На одной из ее страниц был изображен подбитый танк, а рядом – танкист с поднятыми руками. Его конвоировал солдат, одетый в незнакомую мне форму.

Картинки в книге были черно-белые, но на башне танка и на груди танкиста были нарисованы красным карандашом звезды. Мой приятель, похихикивая, разъяснил мне: «Видишь, как воюют твои красные! Этот твой танкист уже полные штаны наложил, его наш румынский солдат в плен взял!». Я вздрогнул от этих слов, так как не мог себе представить, что такое может быть. Вся моя маленькая жизнь была связана с военными. И в их рассказах, и в книгах, которые мне читала мама, наши бойцы всегда выходили победителями. А здесь вдруг все наоборот!

Я посмотрел на своего приятеля: шутит он или говорит всерьез? Его же лицо буквально светилось от удовольствия, которое он испытывал, почувствовав страдания, доставленные сыну красного командира. Потом, чтобы усилить эффект от своего рассказа, он взял красный карандаш, по-видимому тот самый, которым были нарисованы звезды, и стал тыкать им, как штыком, в грудь танкиста, приговаривая: «Вот тебе, большевик, вот тебе!».

Совсем обескураженный, чуть не плача, я выбежал из квартиры своего обидчика и – прямо домой, чтобы рассказать об увиденном и услышанном. Отца дома не было, а мама кормила мою крохотную сестренку Свету, родившуюся месяц назад. Она сразу обратила внимание на мое расстроенное лицо и стала расспрашивать, что со мной случилось. Я не знал, как ей все объяснить, как пожаловаться, поэтому, ничего не говоря, ушел в дальнюю комнату и уткнулся в подушку. Если бы дома был отец, то ему, как мне казалось, проще было бы рассказать о случившемся. И он бы меня успокоил. Не дождавшись его, я уснул.

А утром начавшаяся война и многие события, с нею связанные, заслонили собой вчерашнюю историю. Оказывается, я очутился в чужой квартире из-за войны. Мы жили на 4-м этаже и отец, опасаясь бомбежки, перенес Свету, а потом и меня, спящего на 2-й этаж к своему сослуживцу. Ему казалось, что там будет безопаснее.

22-го июня 1941 г. было воскресенье. Вечером этого дня мы должны были уехать на целый месяц в деревню к дедушке и бабушке, которая находилась на берегу Сожа в Гомельской области. Отец оформил отпуск, взял билеты на поезд и упаковал чемоданы. Мама тоже подго-

товилась: наварила несколько банок клубничного варенья и накупила целый чемодан подарков для деревенской родни.

Утром, когда все еще спали, мама побежала на базар купить еду на дорогу, но вскоре вернулась обеспокоенная. Разбудив отца, она рассказала, что базар закрыт, а по улицам маршируют красноармейцы и высказала предположение, что, может быть, началась война. На это отец возбужденно возразил: «Ну, какая там война? Я до вечера в штабе был, и никаких признаков этой твоей войны не наблюдалось! Наверное, ученье! Да, и потом, – добавил он, – если бы дело шло к войне, то кто бы мне отпуск дал?». Последний аргумент показался маме достаточно убедительным и она успокоилась.

В нашем доме у жильцов не было ни телефонов, ни радио, так что о любом событии можно было узнать или от соседей, или на улице от прохожих. Если нужно было вызвать отца в штаб, то оттуда присылали дежурного красноармейца. В это раннее утро улицы были пустынные, базар закрыт, так что мы оставались в полном неведении, что происходит.

Отец, хотя и убедил маму, что войны не может быть, но сам в этом засомневался. Он подошел к окну – напротив лежал пустынный сквер. Не обнаружив ничего подозрительного, он, тем не менее, стал одеваться и попросил маму еще раз спуститься вниз и разобраться в обстановке.

Минут через двадцать мама, запыхавшаяся и еще более взволнованная, вбежала в квартиру и сходу выпалила: «Война, Бодик! Война!». «Бодик» – это было деревенское прозвище отца и мама его использовала в исключительных случаях.

Известие о войне, хотя и смутило отца, но не обескуражило. Он сразу вошел в роль командира и стал отдавать четкие указания маме, как своему подчиненному:

– Бери свой ридикюль с документами, Свету – и на второй этаж к Лазоренкам, там безопаснее, а я сейчас следом с Жеником спущусь.

Отец не стал меня будить, взял сонного на руки и перенес в квартиру к своему сослуживцу. Устроив нас, он побежал в штаб. Оттуда он вернулся уже с автоматом и прямо с порога сказал:

– Да, война! Германия на нас напала! По этой причине, дорогая Шурочка, отпуск мой закончился.

В отношении отпуска – это было его собственное решение. Официально из отпуска отца не отозвали и он мог этим воспользоваться. Однако он считал это недопустимым:

– Мои товарищи будут сражаться с врагом, а я в это время буду в деревне чай с клубничным вареньем попивать? Нет! Мое место рядом с ними!

Отец попросил начальника штаба, своего непосредственного начальника, предоставить ему один-два дня, чтобы отправить семью к родным в Белоруссию, в Гомель и такое разрешение получил. Более того, в его распоряжение была выделена полторка с водителем по фамилии Карасик.

Война шла уже полдня, но в городе это не особенно чувствовалось. Открылись магазины, на улицах были прохожие, изредка проезжали извозчики. Город не бомбили, но когда к нему подлетали немецкие самолеты, звучал сигнал воздушной тревоги и милиционеры загоняли всех в бомбоубежище. Как раз один из таких сигналов застал нас, когда мы вчетвером вышли в город, чтобы купить продукты. Не знаю – чем руководствовались родители, когда решили в такое тревожное время отправиться в магазин всем вместе. С этой задачей мог бы легко справиться и один человек, но... вот такое решение ими было принято.

В бомбоубежище было темно, под ногами хлюпала вода. На полу лежали доски, но они не помогали, а только затрудняли продвижению вглубь, так как между ними были широкие щели, в которые то и дело проваливались ноги.

Когда мы оказались внутри плотной людской массы и двигаться дальше уже было некуда – заплакала Света: то ли от спертого воздуха, то ли по какой-то другой причине. Мама

ее баюкала, гладила, целовала, давала соску – ничего не помогало, она все больше заходила в плаче, а соску выплюнула. Мы с отцом начали шарить руками по доскам, щелям между ними, но соску найти не могли. Хорошо, что у кого-то оказались спички и мы, наконец, ее выудили из лужи. Какая-то женщина посоветовала привязать соску к углу конверта, в который Света была завернута, чтобы она больше не терялась. Вообще, все наши соседи по бомбоубежищу старались нам как-то помочь, давали советы, но Света не унималась. Только когда прозвучал отбой и мы вышли на свежий воздух, ее плач прекратился.

Надо сказать, что это был первый случай выражения сестренкой своего недовольства неудобствами, которые ей доставила начавшаяся война. После этого она еще только раз расплакалась, как в бомбоубежище. Это случилось в поезде во время эвакуации. А так, в течение всей войны она стойчески переносила гораздо большие трудности и никогда не хныкала, не капризничала. Повинуясь какому-то внутреннему чувству, она не доставляла взрослым лишних хлопот даже в условиях холода и голода. А один раз, благодаря этому своему чутью, она спасла нам жизнь, когда мы в 1943 г. сбежали из колонны односельчан, которых немцы гнали в Германию, и упали в придорожную крапиву. Конвоиры прошли в пяти шагах от нас. Правда, ей было тогда уже два года, но все равно – она могла от падения, от ожога крапивы заплакать или что-то попросить, сказать. Если б она издала хоть один звук – все: «Хэндэ хох!». Но она своим маленьким, детским чутьем, наверное, понимала, что этого делать нельзя.

После бомбоубежища можно было идти дальше, в магазин, но мы, измученные стоянием в этой темной, мокрой норе, вернулись домой, рассчитывая купить продукты позже.

Так как у отца оказалась под рукой машина, то он решил этим воспользоваться и отвезти на железнодорожную станцию багаж. Он понимал, что сюда мы уже вряд ли вернемся и все, что можно забрать из вещей, надо забрать и отослать в деревню. Там во время войны все это пригодится. Вместе с Карасиком они сколотили длинный ящик, куда сложили все, что могло представлять в деревне ценность: отрезы, платья, туфли и т. д., заколотили его и отвезли на станцию.

Начальник станции груз принял, но сказал, что немцы разбомбили пути и связи с Киевом нет, а путь в Белоруссию проходил через него. Сейчас остается только гадать – на что надеялся отец, отправляя во время войны багаж вглубь страны. Скорее всего, действовал по инерции. Думал, наверное, что война войной, а поезда по-прежнему будут возить пассажиров и гражданские грузы, как это было в Финскую. Конечно, он еще не представлял – какая война началась!

Так как сообщение с Киевом было прервано, то срывался и план нашей эвакуации. Правда, Карасик предложил свой вариант: на полуторке. Он уверял отца, что мигом доставит нас в Киев, но тот этот вариант сразу отверг. И не из-за трудностей, которые нам пришлось бы испытать, трясясь в кузове, а потому что машина была служебная и она нужна была в штабе.

Нам ничего не оставалось другого, как только ждать, когда восстановится сообщение. Следующую ночь мы провели в дворницкой. Это было подвальное помещение, куда с трудом проникал свет с улицы. Отец посчитал, что и второй этаж; не так уж и безопасен при бомбежке и договорился с дворником, чтобы тот нас приютил.

В дворницкой, несмотря на то, что там было темно и неудобно, мне нравилось. В основном, из-за дворняги, которая недавно ошенилась и теперь лежала посреди комнаты с щенятами. Их было много. Они были еще слепые и скулили, пытаясь нащупать соски с молоком. Мне доставляло удовольствие брать щенков в руки и прикладывать их мордочки к соскам.

Днем отец узнал, что железная дорога восстановлена, но пассажирского сообщения нет. Начальник станции порекомендовал ему время от времени наведываться на станцию – может быть, какой-то вариант появится. И, действительно, во второй половине дня такой вариант появился: отправить нас в Киев вместе с киевскими артистами.

Оказалось, что в Черновицах на гастролях был один из киевских театров. Начало войны стало окончанием и их гастролей. Начальник станции получил указание изыскать возможность для срочной отправки артистов домой. И он такую возможность нашел – в виде старенького паровоза и прицепленных к нему двух маленьких вагончиков времен гражданской войны. В народе их называли теплушками. Отцу он сказал:

– Договаривайся с руководителем труппы и, если он согласится взять к себе твою семью, то к 9 вечера приезжайте.

Отец разыскал руководителя труппы, объяснил ему ситуацию и тот согласился взять нас с собой. К указанному времени мы были уже на станции. Наша группа выглядела следующим образом: впереди мама со Светой на руках, потом я на трехколесном велосипеде, с которым я не захотел расстаться, за мной – отец с сумкой с клубничным вареньем и замыкал группу Карасик с двумя большими чемоданами. В них отец запихал все, что не удалось положить в сданный на станцию ящик. Конечно, он понимал, что маме с двумя маленькими детьми эти чемоданы доставят немало хлопот, но, с другой стороны, интуиция ему подсказывала, что, может быть, именно они и помогут ей в дальнейшем. И он оказался прав. В оккупации содержание этих чемоданов помогало нам выживать.

Подшло время отправления, а обещанный состав не показывался. Прошел час, потом – два, наконец, начальник станции сообщил, что отправление артистов переносится на утро. Отец решил домой не уезжать, а ждать отправления поезда на станции: мало ли что может случиться.

Мы нашли угол, положили чемоданы на пол плашмя – получилась походная кровать, на которую я и улегся. Остальные прикорнули, прислонившись к стене.

Утром, проснувшись, я почувствовал, что хочу есть. К неудобствам, которые я начал испытывать с началом войны, добавилось еще одно. Оказалось, что во время войны не только хочется есть, но иногда и нечего. Уже второй день меня никто не заставлял есть. Сначала – из-за суматохи, а потом обнаружилось, что у нас из еды – только клубничное варенье.

В станционном буфете распродавались остатки. Отец купил несколько бутербродов и мы, намазывая их вареньем, немного утолили голод. Потом, когда бутербродов уже не было, мы ели варенье просто так, но много его не съешь. Чтобы не думать о еде, мы стали гулять с отцом вдоль путей.

Наконец, около 9 часов утра к станции подошел наш поезд: старенький паровоз с двумя вагончиками. Основную группу артистов поместили в первый вагон, а во второй – реквизит и небольшую группу, человек десять. Возможно, это был технический персонал. Нас определили к ним, может быть из-за наших больших чемоданов.

Посадка прошла быстро. Наш вагон оказался товарным, т. е. без всяких перегородок, столиков и сидений. Это, однако, никого не смутило. Артисты шутили: появилась возможность на себе почувствовать времена гражданской войны.

Каждый облюбовал себе место. Отец выделил с помощью чемоданов, сумки и моего велосипеда место и для нас.

– Вот ваше купе, – сказал он, – располагайтесь.

И мы расположились. Настроение у нас тоже было приподнятое, по крайней мере, у меня. Все-таки томительное ожидание закончилось, а впереди путешествие – и по суше, и по воде.

Гудок паровоза возвестил об отправлении поезда. Отец всех нас расцеловал, пожелал счастливого пути и выпрыгнул из вагона. Через несколько минут вагонный проем закрыли с помощью выдвижной двери и в вагоне воцарился сумрак. Свет пробивался только из маленьких узеньких окошек, находившихся под самой крышей. Вагон несколько раз дернулся, а затем плавно покатил вслед за паровозом.

Мы не могли видеть тех, кто остался у станции: отца и Карасика. Может быть, они махали вслед удалявшемуся поезду, а, может, – и нет: ведь нас не было видно. Отец, скорее всего, хотя

и был атеистом, молил Бога, чтобы его жена и маленькие дети добрались до деревни невредимыми. Кого еще можно было просить об этом в такой ситуации?

Дорожные страдания

Мы уезжали из Черновиц – города, который нас приютил и к которому мы за год привыкли. И, как оказалось, навсегда. Мама, пригорюнившись, сидела на чемодане, прижимая к себе Свету и прикладывая к заплаканным глазам платочек. О чем она думала? Конечно, о том же, о чем думают все жены, расставшись с ушедшими на фронт мужьями.

Наши попутчики, разбившись на группки, тихо беседовали. В основном это были молодые женщины. Мужскую часть коллектива представлял Дмитрий Васильевич – молодой и веселый парень, к которому все обращались по имени – Дима.

Мне на месте не сиделось. Нагромождение ящиков, коробок, царивший полумрак создавали ощущение таинственности и все это подталкивало к действию. Я осторожно, чтобы не вызвать неодобрение взрослых, стал пробираться сквозь узкие щели, но моя осторожность оказалась напрасной. Артисты не только меня не ругали, но, наоборот, проявили ко мне внимание и неподдельный интерес. Может быть потому, что в вагоне других детей, кроме нас со Светой, не было, а может – соскучились по своим. Я переходил от одной группки к другой, отвечал на вопросы и принимал угощения, в основном конфеты. Скоро все они знали нехитрую нашу историю, как нас зовут и куда мы едем.

Прошло около часа и, как обычно бывает в поездах, народ стал раскрывать свои сумки, саквояжи, извлекать оттуда продукты и готовиться к завтраку. Артисты, в отличие от нас, оказались более подготовленными к дороге и скоро в каждой группке было сооружено нечто, похожее на стол. Появились термосы, кружки, была разложена вытащенная из сумок еда. Мы не могли последовать их примеру, так как ничего, кроме клубничного варенья, у нас не было, а есть его опять – не хотелось.

Однако наметившийся завтрак не состоялся. Поезд вдруг резко затормозил и все мы вместе с термосами оказались на полу. Протяжный паровозный гудок возвестил о воздушном налете. Дверь вагона отодвинулась и появившийся в проеме руководитель труппы закричал, чтобы все быстрее выбирались из вагона и бежали в поле прятаться.

Артисты быстро выпрыгивали из вагонов, отбегали от них подальше и падали в первые попавшиеся углубления. Мама со Светой так быстро выбраться из вагона не могла, она замешкалась. На помощь ей пришел Дмитрий Васильевич. Бежать в поле уже не имело смысла, так как буквально сверху на нас свалились два немецких истребителя с черными крестами на фюзеляже, поливая из пулеметов лежавших вдоль поезда пассажиров. Мы упали в кювет около железнодорожной насыпи. Мама пыталась одной рукой не только прижать к себе и Свету и меня, но еще и прикрыть мою голову.

Мне не было страшно, потому что в этом возрасте это чувство неведомо детям. В то время, как все лежали лицом вниз, закрывая голову руками, мне хотелось рассмотреть самолеты и увидеть летчиков. Мне даже показалось, что один из них посмотрел на меня и ухмыльнулся.

Когда наступила тишина, никто не поднялся, думали, что самолеты вернутся. Прошло минут десять – самолеты не появились, но многие продолжали лежать. Лишь некоторые из

пассажиров, не поднимаясь во весь рост, а лишь усевшись в своих временных убежищах, очищали свои платья и костюмы от приставшей к ним травы, пристально вглядываясь в небо.

Погода стояла хорошая, светило солнце и все пассажиры, рассредоточенные по полю, хорошо были видны. Уже много позже, вспоминая этот эпизод, я никак не мог понять – зачем надо было бежать из вагонов в чистое поле, где каждый человек был виден, как на ладони? Не лучше ли было укрыться под вагонами? Единственное объяснение я находил в предположении, что поезд могли бомбить и тогда, конечно, лучше было быть подальше от него.

Прошло еще какое-то время в тревожном ожидании, но команды на возвращение в вагоны не было. Артисты, ехавшие в первом вагоне, лежали напротив него, а мы – напротив своего. Вдруг одна из артисток первого вагона стала что-то кричать, показывая рукой в нашу сторону. За ней последовали и другие, лежавшие рядом с ней. Мы никак не могли понять – о чем они кричат и почему обращаются к нам. Помог разобраться в ситуации Дмитрий Васильевич. Он сказал, что женщины просят маму снять кофточку, которая была красного цвета, так как, по их мнению, она могла способствовать обнаружению всех нас немецкими летчиками.

Кофточку, которая была на маме, подарил ей отец. Она была из мягкой шерсти с мелкими желтыми цветочками, разбросанными по малиновому полю, и выпуклыми серыми пуговицами и маме очень нравилась. С ней она не расставалась и надевала даже в теплую погоду. Особенно, когда предстояло какое-то важное дело. Может быть, это был ее талисман.

Не вставая, с моей помощью мама сняла кофточку, но под ней оказалась белая блузка, что вызвало среди пассажиров первого вагона еще больший шум. Они требовали, чтобы мама замаскировалась. Но как? Мама растерялась, не зная, что предпринять – и в красном нельзя, и в белом.

Конечно, нервная обстановка была вызвана возникшим у людей страхом. Хотя, по большому счету, было безразлично – в какой одежде лежать на ровной местности и в солнечную погоду. В этих условиях немецкие летчики, да еще на бреющем полете, могли увидеть не только лежащих людей, но и разглядеть черты их лица, независимо от того, во что они были одеты. Но так можно было рассуждать в спокойной обстановке. Под пулеметным же огнем, да еще первый раз в своей жизни, люди думали по-другому.

На помощь маме пришел Дмитрий Васильевич. Он снял пиджак и укрыл им ее. Тишина, воцарившаяся среди пассажиров первого вагона, говорила о том, что найдено было правильное решение. Так мы продолжали лежать, пока короткие гудки паровоза не возвестили об отбое. Все устремились к своим вагонам, не переставая поглядывать в безоблачное небо.

Жертв среди пассажиров не было. По крайней мере, среди пассажиров нашего вагона. Пережитый страх, но, больше всего, – ощущение того, что все остались не только живы, но и невредимы, вселили в артистов хорошее настроение. Они шутили, подтрунивали друг над другом. Одна из артисток уверяла, что немецкий летчик узнал ее и потому стрелял в пустое поле, а не в людей. Все смеялись, но в душе, конечно, понимали, что еще рано радоваться.

Поезд пошел дальше, а артисты вернулись к тому, что не успели осуществить из-за налета – к завтраку. Была, впрочем, и принципиальная разница: если до налета собирались завтракать группками, то теперь соорудили общий стол. Совместно пережитое подталкивало людей к единению, к общению. Более того, посреди стола появилась бутылка вина, а один из ящиков предназначался в качестве стула для нас. Мама всячески отказывалась сесть за стол, но устоять перед просьбами всего вагона не смогла. Я этому был рад, так как давно хотел есть, да и оказаться среди таких внимательных и веселых людей было тоже приятно.

Дмитрий Васильевич разлил вино по кружкам и чашкам и предложил смелый тост: «За победу! И чтобы мы все до нее дожили!». Может быть, в начавшейся войне это был первый такой тост. Все с восторгом поддержали его и началось веселое застолье. А война только-только началась и никто не знал, сколько она продлится, но настроение у всех было приподнятое и

каждый не только желал, но и верил, что по-другому и не может быть и что победа обязательно придет.

На этот раз завтрак удался. В течение примерно часа поезд шел, не останавливаясь. Разговор принял общий характер. Каждому было что вспомнить и рассказать. Особое внимание уделялось маме. К ней все обращались ласково – Шурочка. Ей в то время было 28 лет и, может быть, она была самой молодой среди пассажирок нашего вагона.

Единственный человек, который не принимал участия в нашем застолье, была Света. Туго завернутая в конверт, она лежала на чемодане и безмятежно спала. Она пребывала еще в том мире, где не было тревог, волнений. Они появятся сполна в ее жизни позже.

Мы уже стали забывать о недавнем налете. Равномерный стук колес успокаивал и, казалось, что так будет продолжаться все время. Однако в планы немецких летчиков не входило доставить нам такое удовольствие. И начиналось все, как в первый раз: резкая остановка поезда, протяжный паровозный гудок, отодвинутая дверь и – в поле. Была, конечно, и разница. Меньше стало суматохи, появилась сноровка – стремительно выпрыгивать из вагона, далеко не бежать, а падать в первую попавшуюся канавку, борозду. И маму больше никто не ругал. Она нашла в чемодане зеленый резиновый плащ и все время держала его наготове. Свою любимую кофточку она так и не сняла. При налете она быстро надевала плащ на нее, хватала Свету и устремлялась к проему, где ее уже ожидал Дмитрий Васильевич.

После отбоя, когда все оказывались целыми и невредимыми в своем вагоне, Дмитрий Васильевич шутил:

– Шурочка, все благополучно обошлось благодаря вашему плащу. Немцы, увидев такую очаровательную женщину, да еще в изумрудном плаще – глаза замуривали и про стрельбу забывали!

Тем не менее – стреляли. Остается лишь гадать – почему обходилось без жертв. Конечно, мамин плащ здесь был ни при чем. Уже после войны, вспоминая эти события, мы сходились во мнении, что, скорее всего, наш куций состав не являлся для немецких летчиков достойной целью. Правда, дядя Николай, служивший в авиации и прошедший всю войну, придерживался иного мнения. Он считал, что из-за небольшой длины нашего состава (он имел в длину около 60 метров) летчики запаздывали с нацеливанием. А потом, – говорил он, – обнаружив, что пассажирами были гражданские лица, они прекращали огонь и летели дальше в поисках военных целей.

Я готов был согласиться с любой точкой зрения, но только не с этой, так как был не только свидетелем бомбежки и расстрела мирных жителей немецкими летчиками, но и непосредственным объектом этих акций. Но об этом чуть позже.

Наступила ночь. Налеты прекратились и пассажиры, пользуясь этим, стали укладываться спать. Путь предстоял еще долгий и можно было отдохнуть после тяжелого дня. Но этому намерению неожиданно помешала Света. До этого она вела себя примерно, даже во время налетов, а здесь вдруг расплакалась. Мама никак не могла ее успокоить, да к тому же снова потерялась соска. На помощь пришли женщины. Они ее распеленали, завернули в сухие пеленки, а вместо соски дали жвачку, сделанную из марли, в которую они вложили смоченное печенье. Принятые меры помогли. Света успокоилась, зачмокала и вскоре уснула. Вслед за ней погрузился в сон и весь второй вагон.

В Киев поезд прибыл ранним утром, только начинало светать. Высидевшие из вагонов пассажиры поглядывали вверх, указывая на что-то руками. В сером небе виднелось множество каких-то черных клякс. Мы не знали, что это такое. Лишь позже выяснилось, что это были аэролаты воздушного заграждения.

В Киеве мы должны были сесть на пароход и плыть до Гомеля. Оттуда по воде или по суше – до Ветки, а от нее – в деревню Рудню, где и жили наши дедушка и бабушка. Как видим, маршрут был не простой, даже для мирного времени. В условиях же войны даже трудно было

представить, как можно было женщине с двумя маленькими детьми и большим багажом преодолеть этот путь. Самое трудное было – это достать билеты на пароход. Люди, родившиеся после войны, вряд ли смогут представить, что творилось на вокзалах и пристанях в годы войны. Они походили на осажденные крепости, которые штурмом брали люди, стремящиеся побыстрее уехать. В такой обстановке маме одной вряд ли удалось бы достать билеты. И здесь сыграл, может быть, лучшую в своей жизни роль Дмитрий Васильевич. Без его помощи мы вряд ли уехали бы из Киева. А в нем у нас не было ни родных, ни близких. Что мы стали бы делать, оставшись там? Скорее всего, разделили бы участь тысяч беженцев, скитавшихся по городам и деревням.

Еще в вагоне Дмитрий Васильевич успокоил маму, пообещав ей помочь нам уехать из Киева. Там же был разработан план, в соответствии с которым мы и стали действовать. План был простой и включал в себя четыре этапа. Этап первый: с вокзала – на Крещатик. Там багаж сгружается и создается временный пункт ожидания. Почему не сразу на пристань, а в центр города, на Крещатик? Не знаю. Скорее всего, Дмитрий Васильевич предполагал, что вряд ли удастся сходу взять билеты и отправить нас в этот же день. По-видимому, у него был предусмотрен на этот случай запасной вариант. Этап второй: я и Света остаемся вместе с багажом в этом пункте ожидания, а Дмитрий Васильевич и мама едут на пристань доставать билеты. Этап третий: покупка, или точнее – «добыча» билетов. И этап четвертый, завершающий: Дмитрий Васильевич и мама с билетами возвращаются, забирают нас и вещи и все мы едем на пристань, на пароход.

План, действительно, был простой, но не так легко было его осуществить. Вообще говоря, шансов на успех было мало. По крайней мере, – на быстрый, но, тем не менее, Дмитрий Васильевич действовал уверенно. Не знаю, верил ли он сам в то, что нас удастся посадить на пароход, но нас он подбадривал и нам не оставалось ничего другого, как тоже верить.

Первых два этапа плана были осуществлены сравнительно быстро. Мы доехали до Крещатика, в скверике было выбрано удобное место, где и должен был разместиться временный пункт ожидания. Один чемодан положили плашмя, а другой и сумку с вареньем поставили впритык к нему. Образовался уголок, куда и положили конверт со Светой. В мои обязанности входило охранять все это богатство. Вообще говоря, задача была не сложной, так как охранять в те годы было не то, чтобы не от кого, но сравнительно легче – народ был другой, старались больше помогать друг другу, а не воровать.

Перед уходом мама сказала:

– Можешь покататься на велосипеде, но далеко не уезжай. А если Света проснется, возьми ее на руки, походи с ней, побаюкай. Ну, а мы скоро вернемся.

Последнее поручение было, конечно, посложнее, но его мне не раз приходилось выполнять, так что опыт был. Одним словом, взрослые «пост сдали», а я «пост принял».

Катание на велосипеде было моим любимым занятием. Трехколесный велосипед мне подарил на день рождения отец. Я с ним не расставался, даже к отцу в штаб на нем ездил. Штаб находился на окраине города в двухэтажном кирпичном здании. В нем были длинные и широкие коридоры, по которым я гонял. Меня знали почти все писаря и часто дарили мне что-нибудь на память: перочинные ножи, карандаши, линейки и т. д. Дома у меня образовалась целая коллекция этих канцелярских вещей. Об этом знали мои товарищи по двору и всячески их у меня выманивали, особенно перочинные ножи.

Дорожки в скверике были чистые, а прохожих было мало, так что можно было показать свое мастерство. Но в то утро мне было не до велосипеда. Еще в вагоне я плохо себя почувствовал. Болел живот, подташнивало, но я не жаловался, терпел – ведь война! Я сел у чемодана, прижавшись к нему спиной, а ноги подтянул к животу, обхватив руками колени. Думал таким образом заглушить боль. Сколько так просидел, не знаю, но боль не проходила, более того стала резкой. Я терпел. Когда терпеть стало невмоготу, лег животом на землю, но это тоже

не помогло. По-видимому, было острое отравление, так как началась рвота. Мои страдания увидел кто-то из прохожих и вызвал скорую помощь, которая вскоре и примчалась.

Медики уложили меня на носилки и – в карету. Они, конечно, были молодцами. Быстро приехали, быстро меня погрузили и быстро доставили в больницу. Но при этом допустили одну серьезную оплошность. Увозя меня, они, во-первых, не обратили внимание, или не заметили, что оставляют на чемодане конверт с живым человечком, а, во-вторых, не оставили никакой записки. Эта оплошность могла бы обойтись нашей семье очень дорого. Мы могли бы потерять друг друга, как в те годы это сплошь и рядом случалось. Уже после войны, в 60-70-е годы на радиоканале «Маяк» существовала передача «Найти человека», которую вела Агния Барто и куда обращались тысячи людей, потерявших друг друга в военные годы. А у нас ситуация развивалась именно в этом направлении.

На пристани выяснилось, что судоходство по Днепру продолжается и, более того, скоро должен был отправиться в Гомель пароход. Не знаю как, но Дмитрию Васильевичу удалось достать на него билеты. Воодушевленные удачей они приехали на Крещатик. А там... Вещи на месте, конверт со Светой на месте. Даже сумка с вареньем и велосипед стояли на том же самом месте, где их поставили. Все на месте, только... меня нет! Мама бросилась расспрашивать прохожих, но что они могли ей сказать? Представьте ее состояние: билеты на руках, скоро должен отчалить пароход, а сын исчез. Как вы думаете, как бы она поступила, если б я не появился? Конечно, никуда бы она не поплыла, не поехала, пока не прояснилась бы судьба ее сына.

А в это время в больнице колдовали надо мной: промыли желудок, дали выпить какую-то микстуру, уложили на кушетку, но привести меня в удовлетворительное состояние никак не могли. Когда же врач, пожилая женщина увидела, что я стал осознанно осматривать кабинет, то начала выяснять – как меня зовут, откуда, куда и с кем еду и т. д. Когда я все о себе рассказал, она мгновенно оценила весь драматизм ситуации, вызвала машину и меня не то что повезли, а буквально помчали на Крещатик, хотя мое состояние было еще далеко от удовлетворительного.

Когда машина с красным крестом остановилась около мамы и из нее вышел ее сын – она не проявила никаких эмоций: не бросилась меня целовать, обнимать, не заплакала от радости. Лицо ее было застывшим, остекленевшие глаза смотрели на меня, но чувствовалось, что она не пришла еще в себя. Врачи что-то ей объясняли, она кивала головой, но, по-видимому, их слова до нее не доходили. Дмитрий Васильевич пытался вернуть ее к жизни, шутил, указывая на меня:

– Вот какой у тебя, Шурочка, сын молодец: и сестренку сберег и вещи, и по городу успел покататься!

Мама пыталась улыбаться, но это у нее плохо получалось. Это ее состояние было для меня хорошо знакомо. Однажды в Черновицах я вышел утром во двор с велосипедом. Сделав несколько кругов вокруг дома, я остановился у подъезда, раздумывая, – куда теперь направиться. В это время из подъезда вышел дядя Саша. Увидев меня, он сказал:

– Скучаешь? Поехали в штаб, а то писаря все спрашивают про тебя – почему на службу перестал приезжать?

Это предложение дяди Саши пришлось мне по душе, так как отец был в отъезде и я давно не навещался в штаб. Я устремился вперед по хорошо известному мне маршруту, а дядя Саша последовал за мной. Редкие прохожие с удивлением смотрели на нас: маленький мальчик в матроске всюду мчится по тротуару, а старший лейтенант быстро шагает за ним, стараясь не отстать. Такая прогулка мне нравилась, я с удовольствием крутил педалями, но, к сожалению, мне и в голову не пришло предупредить об этой поездке маму.

В штабе мы пробыли до позднего вечера. А в это время мама, не дождавшись меня к обеду, обходила все подъезды, спрашивая жителей, – не видели ли они меня. Кто-то видел, кто-то – нет, но, куда я делся – никто не знал. В городе у нас не было родственников, а из знако-

мых – только сослуживцы отца. Когда поиски ничего не дали, мама побежала к тете Вере. Это была энергичная женщина. Узнав о случившемся, она передала маме свою маленькую дочку и – стремглав на улицу. Она расширила круг поиска, обжевав все соседние дома, дворы, переулки, расспрашивая встречавшихся ей людей, но ничего узнать не смогла – мальчик, как в воду канул. Прошло несколько часов и надежды на мое возвращение почти не осталось. Обсудив возможные варианты дальнейших поисков, женщины отправились втроем в милицию. Там их выслушали и постарались успокоить:

– Город тихий, спокойный, машин очень мало, в основном одни извозчики, так что мальчик ваш где-нибудь у товарищей заигрался и скоро вернется.

Женщины в это верили и не верили, но что делать? Придется ждать.

Вернулись домой. Кухонное окно в нашей квартире выходило на лестничную площадку. Мама села напротив этого окна и... застыла в ожидании. В таком состоянии я и застал ее, когда вернулся вечером из штаба. Она не вскрикнула, не бросилась меня обнимать, расспрашивать. Она смотрела на меня не видящими от слез глазами и молчала, наверное, воспринимая все это как сон. Вот точно в таком состоянии я и увидел ее, когда вышел из кареты скорой помощи.

Дмитрий Васильевич не стал терять время, договорился с водителем какого-то грузовика, погрузил вещи и помог забраться в кузов мне. Маму со Светой он посадил в кабину, а потом запрыгнул в кузов сам и мы помчались на пристань.

Посадка на пароход шла полным ходом. Пассажиров было больше, чем мест в залах и каютах, поэтому люди занимали все сколь-нибудь пригодные для сиденья и стояния места на палубе и в других закутках парохода. Дмитрий Васильевич и водитель с нашими вещами кое-как протиснулись на корму, где мы и обосновались.

Когда посадка закончилась, матросы убрали трап и пароход, дав прощальный гудок, стал отчаливать. С пристани махали провожающие. Среди них был и Дмитрий Васильевич, ставший за два дня дорогим для нас человеком. Я не знаю, как сложилась его судьба, но в нашей семье его часто вспоминали, а мама, хотя и была атеисткой, как положено было быть в те годы жене красного командира, нет-нет, да и подходила в хате к образам, моля Бога о здравии не только отца, но и Дмитрия Васильевича.

Пароход вышел на середину Днепра. Лопастей его, монотонно шлепая, успокаивали, вносили в душу умиротворение. Мы оставляли Киев, который за несколько часов нашего пребывания в нем, несмотря на драматизм возникшей ситуации, вошел в наше сознание как город, жители которого не безучастны к судьбе других, незнакомых им людей.

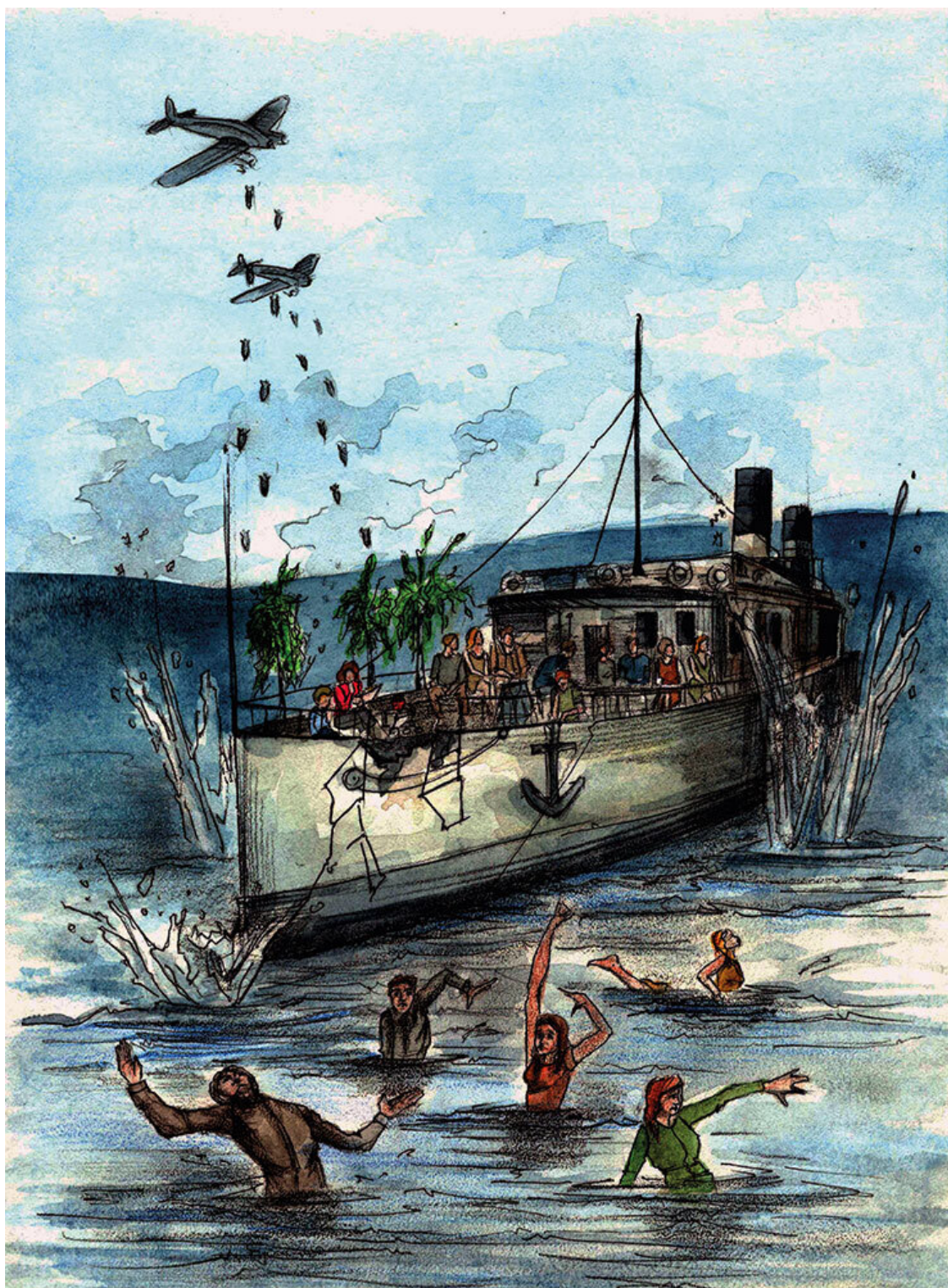
Когда Киев остался позади, мимо нас поплыли деревни, пасущиеся стада, сидящие в лодках рыбаки с удочками. Все это никак не вязалось с войной. Но она была рядом и, как и днем раньше, неожиданно сваливалась с неба. Пароход был замаскирован свежесрубленными березками, у которых еще листья не успели завянуть, но скрыть его таким образом от немецких летчиков было нельзя. Его быстро обнаруживали и тогда он превращался в хорошо видимую мишень. Если на железной дороге мы подвергались атакам истребителей, то здесь нами занимались бомбардировщики. Мы видели, как маленькие черные точки, отделившись от них, неслись со свистом на нас и никуда нельзя было от них деться. Оставалось только сжиматься и прикрывать голову руками.

Как только начинался налет, капитан направлял судно к берегу и там оно, уткнувшись носом в прибрежный песок, замирало. Но бомбы успевали упасть раньше. К нашему счастью, прямого попадания не было, бомбы падали в реку, поднимая столбы воды. Один раз одна из бомб упала рядом с пароходом и водяным шквалом с палубы смыло несколько человек, среди которых оказался и мальчик примерно моих лет. Когда налет прекратился, на поверхности барахтались несколько человек, но мальчика среди них не было. Обезумевшая от горя мать мальчика пыталась броситься в воду, но ее удержали, а затем унесли вниз. На месте этого мальчика мог оказаться и я, но мне повезло.

Когда самолеты улетали, пароход, с трудом отрываясь от приютившего его берега, продолжал свой путь. Пассажиры приходили в себя, отряхивались от воды и молили Бога, чтобы такое больше не повторилось. Некоторые считали, что немцам не удалось потопить пароход, потому что капитан был заговоренный. Так это было или не так, но многим хотелось в это верить.

Прошло несколько часов пути и мне снова стало плохо. Я не только не мог стоять, но и сидеть. Пришлось маме взять Свету на руки, а на чемодан уложить меня. Как проходило дальше наше плавание – не помню. У меня очень хорошая память и все, что происходило в годы войны со мной или рядом, запечатлелось в моей памяти, как на видеопленке. Спустя более 70 лет я хорошо помню лица, слова, жесты людей, с которыми столкнула меня судьба. Но если в моей памяти не запечатлелись те несколько часов или дней, которые прошли после того, как я улегся на чемодан, значит состояние мое было неважным. Пришел я более или менее в себя, когда пароход плыл уже по Сожу. Был ли это тот самый пароход или другой – не знаю.

От Гомеля до Ветки по берегам Сожа не было деревень. Правый берег, более крутой, был весь в камышах, а по левому, пологому тянулись на многие километры песчаные безлюдные пляжи. Менялся только цвет песка: молочно-белый переходил в нежно сиреневый, который, в свою очередь, сменялся золотистым, потом снова наступала очередь белого цвета и так – до самого конца пути. Как будто небесный художник, чтобы не было однообразия и пассажирам не было скучно раскрасил эти пески.

Вдруг на одном из этих пляжей я увидел паренька. Он, закатав штаны, стоял в воде с удочкой. Я зашевелился. Мне тоже захотелось быть рядом с ним. Мама по-своему расценила мое шевеление: значит, пришел в себя, появился интерес. Да, действительно появился. К разноцветным пескам, к ловле рыбы, ко всему, что я видел вокруг себя. Скорее всего, благодатный воздух родных просторов, чарующие виды, открывавшиеся с парохода, вернули меня к жизни.

Бабушка и дедушка, к которым мы плыли, жили в поселке Затон, расположенном в метрах трехстах от Сожа, но там не было причала и все пароходы проплывали мимо. Все, кому надо было в Затон или в рядом находящуюся Рудню, плыли до Ветки, а потом возвращались

назад пешком. А это – километров семь. Такая же участь ожидала и нас, но мама попросила капитана высадить нас напротив Затона. Капитан покачал головой, но потом, посмотрев на нас, на наши чемоданы и велосипед, который я держал в руках, согласился.

Пароход сбавил ход и стал медленно приближаться к одной из гатей, которая как раз находилась напротив дедова огорода. Когда нос парохода уткнулся в песок, матросы быстро спустили трап, перенесли все вещи, а затем помогли маме и мне сойти на берег, на родную землю, путь к которой оказался для нас непростым.

А пароход задним ходом выбрался на середину реки, на прощание дал гудок и продолжил свой путь. Мы доплыли, а ему предстояло еще плыть и плыть. Что ждало его впереди? И доплыл ли он?

Пароход был уже далеко, а мы продолжали сидеть на чемоданах, все еще не веря, что все наши страдания закончились. Вокруг не было ни души. Тишина, ровная гладь широкой спокойной реки, запах прогретой солнцем лозы возвращали нас в прошлую, довоенную жизнь. Война осталась где-то далеко позади. Мы думали, что нам удалось от нее убежать. Ошибались. Через два месяца она догнала нас. Но это было потом. А в этот день мы ступили в хату дедушки и бабушки. Это был радостный для всех нас день. По такому поводу бабушка накрыла стол, а дед поставил самовар. Чай пили с клубничным вареньем. Я – без.

В деревне о войне знали только то, что она началась. Мы знали о ней больше. Поэтому мы рассказывали, рассказывали и рассказывали. Нас слушали, не перебивая. Их встреча с войной была еще впереди.

Перед приближением фронта

Вторую неделю шла война, но деревня Рудня жила своей обычной жизнью. С раннего утра бабы доили коров, шли с ведрами к колодцам, начинали топить печи. Была, конечно, и разница между нынешней и довоенной деревней. Сразу бросалось в глаза, что основная масса жителей – это старики и старухи и женщины с детьми. Молодых мужиков не было. И еще одна особенность отличала нынешнюю деревню – исчезли лошади. Все они, за исключением старых и хромоногих, с началом войны были реквизированы.

Мы жили не в самой деревне, а в поселке Затон, находящемся в полутора километрах от Рудни на левом холмистом берегу небольшой речушки Спонич, впадавшего в Сож. В поселке было около десяти хат, в которых, так же, как и в деревне, обитали старики и старухи и женщины с детьми, так что в этом отношении наш поселок ничем не отличался от деревни.

В начале июля 1941 г. поступило распоряжение властей: все, кто в состоянии был держать лопату, должны были каждое утро приходиться на окраину Рудни к Сожу копать противотанковый ров. Он должен был одним концом упираться в Сож, а другим – в Спонич. Таким образом, по замыслу его проектировщиков, он должен был помешать движению немецких танков, которые, переправившись через Сож со стороны Старого Села, двигались бы дальше в направлении Тарасовки и далее – на Брянск. Наверное, считалось, что это самое танкоопасное направление, хотя за всю войну я не видел здесь ни немецких, ни наших танков. Может быть, действительно выкопанный противотанковый ров был этому причиной.

Каждое утро к месту, где должны были рыть ров, приходили из Рудни жители. Из окрестных деревень их привозили на повозках. Это были в основном молодые женщины и их дети. От нашей семьи в этой работе участвовали мама, тетя Аня и мы – двоюродная сестра Лариса и я. Нам тогда было по пять лет. 102-летняя прабабушка Домна и бабушка Арина с двухмесячной Светой оставались дома. А дед получил ответственное задание: ему поручили угнать в Брянскую область колхозное стадо.

Длина рва была около километра, глубина – четыре и ширина – около десяти метров, так что объем работы был приличный, а в качестве инструментов – только лопаты и ведра. Вначале работали только лопатами, потом, когда появилась глубина и выбрасывать землю стало трудно, в ход пошли ведра. В них насыпали песок и с помощью веревок вытаскивали наверх. В первые дни работы было шумно: смеялись, шутили, брызгались песком. Постепенно, по мере того, как ров углублялся, становилось все тише и тише.

Кому было раздолье на этом рытье, так это нам, детям. Желтенький чистый песочек, превращаясь в холмы вдоль рва, позволял нам образовывать в них различные земляные фигуры, ходы. Их мы старались защитить от сыпавшихся из ведер все новых и новых порций песка.

Днем объявлялся перерыв на обед. Ров мгновенно пустел. Женщины усаживались кучками вокруг домотканых скатертей, на которые выкладывалась принесенная из дому снедь. Продолжался обед недолго. Потом ров снова заполнялся. На этот раз – до самого вечера. Ужинали уже дома. И так каждый день.

Каждое утро появлялся немецкий самолет-разведчик. В народе его называли рамой. Какое-то время он кружил над рвом, наверное, фотографировал. Невдалеке, в лесочке бухали наши зенитки. Женщины втыкали в песок лопаты и, прикрывая глаза рукой от солнца, вглядывались в небо, втайне надеясь, что наконец-то его собьют. Самолет же, покружив, улетал невредимым. Женщины, раздосадованные этим обстоятельством, с какой-то злостью – то ли на немца, то ли на наших зенитчиков – снова брались за лопаты.

К концу июля противотанковый ров был вырыт. Вот он – ровный, глубокий, с отвесными стенами! Сходу его не пройдешь! Так он и простоял до самого конца войны, постепенно обсыпаясь и мельчая. Много лет спустя это была всего лишь неглубокая канава. Может быть, и

сегодня ее можно разглядеть. И не сведущему человеку вряд ли может прийти в голову мысль, что когда-то это был непроходимый противотанковый ров.

В начале августа 1941 г. в поселок вошла какая-то воинская часть. Это был тревожный сигнал, так как красноармейцы не пошли дальше, а стали рыть вдоль Сожа траншеи и окопы. В нашу хату на постой встал капитан со своими помощниками. Это был невысокого роста, широкоплечий молодой командир. Он больше молчал, но глаза его были все время в работе. Он быстро все схватывал и отдавал короткие указания.

У постояльцев была полуторка и они каждое утро уезжали в Ветку, а вечером возвращались. Напрямую с поселка в деревню проехать нельзя было, так как здесь не было моста. Большой деревянный мост был в деревне, через который проходило сообщение между Веткой и Добрушем. Чтобы попасть на этот мост, нужно было делать круг. Через день красноармейцы соорудили через Спониц, рядом с нами небольшой бревенчатый мост и теперь командиры имели прямое сообщение с Рудней. Экономия – не более 20 минут, но в военное время это могло иметь решающее значение.

Вечером, по возвращении командиров из Ветки, они садились за стол ужинать, тихо о чем-то беседуя между собой. К этому времени дед уже вернулся из своей командировки. Он терпеливо выжидал, когда командиры кончат свой ужин. У него много накопилось вопросов, ответы на которые он хотел от них получить.

В Первую мировую войну, или, как говорил дед, Германскую, он в чине прапорщика воевал в Восточной Пруссии под командованием генерала Самсонова, попал в окружение. В одной из стычек был тяжело ранен, но солдаты его вынесли. Ранение было тяжелое, в голову. Шансов донести его до своих почти не было. Поэтому солдаты, войдя в одну из немецких деревень, попросили хозяина одного из домов приютить у себя раненого русского офицера и, если можно, вылечить. Тот согласился. Через несколько месяцев деда поставили на ноги. Правда, из-за тяжелого ранения в дальнейшем он участия в военных действиях не принимал, был комиссован.

Вопросы, которые мучили деда, касались как той, так и этой войны. Слишком много общего было в начальных этапах этих войн. Прежде всего, дед никак не мог понять, чтобы русские армии, хорошо подготовленные, сразу оказывались в мешках. И тогда, и сейчас. В чем дело?

Капитан прямого ответа на этот вопрос не давал, что-то говорил про неожиданность, внезапность и т. д. Деда такой ответ не устраивал и тогда он пытался добиться ответа на другой вопрос: сдюжим или нет? Капитан пытался деда успокоить, но уверенности в его голосе не было. Деда это злило.

В один из вечеров капитан, стараясь особенно не волновать деда, сказал ему:

– Отец, ты человек военный и хорошо понимаешь, что на войне всякое может быть. А чтобы «это всякое» не вылезло потом боком, лучше заранее принять соответствующие меры.

Дед сразу догадался, о чем идет речь, и, без обиняков, спросил: «Уходите?». Капитан улыбнулся:

– Пока еще нет, но... надо подготовиться к приходу незваных гостей. В первый же день их появления из твоего хлева исчезнет все, может только корову оставят. Так что подумай, как быть с живностью.

Потом, указав на этажерки, заполненные книгами, он продолжил:

– Посмотри – здесь же половина книг в красных переплетах с золотыми звездами. Это же подарок для гитлеровцев! Увидев все это, они порезвятся! Сын, наверное, командир?

Дед кивнул, а потом добавил: «И зять тоже».

Капитан хмыкнул:

– Ну, вот видишь... твои командиры сгрузили тебе все это. Они сами должны были их читать, может быть, польза была бы.

Тетя Аня, присутствовавшая при этом разговоре, осторожно спросила:

– А как же быть с другими книгами, которые не в красных обложках?

Капитан посмотрел на нее, взял с этажерки первую попавшуюся ему на глаза книгу и медленно прочел: «И-и-и. А-а-а. Бабель «Конармия».

– Что касается конармии, – сказал он, – то с немцами она не воевала и у них, наверное, к ней каких-либо претензий нет, но вот к Бабелю... Здесь ответ однозначный.

– А вот эту?

Тетя Аня сама выбрала одну из книг и протянула капитану. Тот открыл ее и прочел:

– М.Ю.Лермонтов «Герой нашего времени». Вообще говоря, к царским офицерам у немцев отношение уважительное, но вот понятие о героях у них другое, да и герои у них теперь те, что бомбят наши города и убивают наших людей.

Тетя Аня от этих разъяснений совсем сникла, так как эта деревенская библиотека была собрана в основном ее руками и она дорожила каждой книжкой. Наконец, в надежде на то, что хоть что-то можно будет сохранить, она протянула капитану сказку Ершова «Конек-Горбунук». Тот засмеялся:

– Ну, может быть, Горбунка и не тронут, но, с другой стороны, кто их знает, как они к нему отнесутся? Может быть, и в нем увидят какую-нибудь опасность.

Потом, посерьезнев, подытожил:

– Понимаете, вообще говоря, дело не в Коньке-Горбунке. Вы думаете, они будут разбирать эти книги, листать их? Для них вся ваша библиотека – большевистская зараза. И они ее сожгут, глазом не моргнув, как они это сделали у себя дома с неудобными им книгами. А вместе с ними и...

Он не договорил, чтобы не пугать нас, но все и так поняли, что он имел в виду. А потом закончил:

– У них только одна книга, которую они читают, это та, что Гитлер написал.

На следующий день дед собрал семейный совет. Вопросов было два: что делать с живностью и библиотекой? Что касается живности, то ее у нас было мало: корова Зорька, полугодовалый кабанчик Борька и пять курочек с петухом. Были еще дворовый пес Додик и кот Кеша, но их в расчет не принимали, как не представляющих интереса для немцев.

Вопрос о корове не обсуждали. Не потому, что немцы вроде бы ее не тронут. Корова в деревне – кормилица и ни один крестьянин никогда на нее руку не поднимет. Другое дело – кабанчик, но он был еще мал, да и от предыдущего сало еще оставалось. С ним решили пока повременить. А вот с курами управились быстро, их решили подарить красноармейцам: пусть сил поднаберутся, может лучше воевать будут.

С библиотекой было потруднее. Сжечь книги, по которым учились, которые читали, которые собирали в течение всей жизни – это было мучительно трудно. Тетя Аня предложила их рассортировать по степени опасности. Прабабушка, бабушка и мама ее поддержали. Дед был в затруднении. Потом, погладив свою седую бороду, сказал, указывая на нас, детей:

– Малых (он делал ударение на «ы») надо сберечь, поэтому рисковать не будем. Останутся живы – новых книг накупят.

После этого подошел к этажерке, взял книжечку в черном кожаном переплете, погладил ее и положил за образа. Это была библия, с которой он никогда не расставался.

– А остальные, – скомандовал он, – выносите во двор!

Книги выносили охапками и перебрасывали через плетень, отделявший двор от огорода. Там дед сгребал их вилами в кучу. Она получилась достаточно большой – около метра в высоту. После этого он растребушил над ней несколько обмолоченных снопов и застыл в нерешительности. Надо было теперь все это поджигать, но он медлил. Наконец, прошептав какую-то молитву и перекрестившись, он поджег солому с разных сторон.

Как ни трудно было решиться сжечь библиотеку, но исполнить задуманное оказалось еще труднее. Огонь быстро побежал вверх по куче, превратившись на верху ее в огненный столб. Какое-то время он повисел над ней, а затем стал медленно оседать, а затем и вообще исчез. Перед нами лежала все та же куча, но только покрытая золотистым саваном. Через некоторое время в нем стали появляться черные проплешины, которые, увеличиваясь в размерах, стали соединяться друг с другом. И вот перед нами уже не золотистая, а черная куча, из нутра которой временами выскакивали огненные язычки.

Дед воткнул в середину кучи вилы и вытащил из нее какую-то книгу. Переплет ее и края обуглились, но внутри текст оставался нетронутым и можно было прочесть, что там написано. Стало ясно, что сжигать книги мы не умеем и надо это делать как-то по-другому. Дед, подумав какое-то время, стал разгребать кучу. Книги, лежавшие снаружи ее, обуглились, а внутри — остались невредимыми и даже цвет их обложек сохранился.

Новый способ сожжения книг, который решил применить дед, заключался в следующем. Он растребушил пару снопов на свободном от книг месте и поджег их. Мы же должны были вырывать из книг листы, комкать их и бросать в огонь. Здесь, однако, выяснилось, что толстая пачка листов тоже не сгорала, а лишь обугливалась. Когда я одну такую обуглившуюся пачку разъединил, то увидел Конька-Горбунка, выскакивающего из котла с кипящей смолой. Оказывается, не только смола, но и огонь ему был не страшен.

Дед вилами подбрасывал горящие части книг, не давая им угаснуть, а мы рвали и рвали страницы и бросали их в книжный костер. День клонился уже к вечеру, но целых, невредимых книг было еще много. За этой работой и застали нас вернувшиеся из поездки командиры. Капитан, посмотрев на нас, перепачканных сажей, сказал:

– Оказывается, сжечь книги не легче, чем написать их.

Потом посоветовал деду не мучиться, а все книги – и обуглившиеся и полуобгоревшие – закопать в землю. Через некоторое время пришли два красноармейца, вырыли рядом с костром глубокую яму и мы стали сбрасывать туда все, что осталось от библиотеки. Потом засыпали яму землей. Так как не вся вынутая земля оказалась снова в яме, то сверху образовался круглый холмик. Мы обступили его, как бы прощаясь с тем, что было еще недавно частью нашей жизни. Капитан, увидевший эту сцену, сказал:

– Только креста еще не хватало – и приказал красноармейцам холмик срыть, землю разбросать по огороду, чтобы место над погребенной библиотекой ничем не выделялось. Красноармейцы быстро это сделали. Мы молча, как с похорон потянулись в хату.

18-го августа, днем к хате подъехала полуторка. Командиры стали переносить в кузов свои пожитки. Капитан, подойдя к деду и, положив ему руку на плечо, проговорил:

– Все, отец, уходим. Получен приказ. Завтра заявятся непрощенные гости. Знаю, что вы на нас в обиде, но... сила пока не на нашей стороне. Надо потерпеть.

Потом добавил:

– Вы один-на-один остаетесь с супостатом – не горячитесь, главная ваша задача сейчас – остаться живыми и сохранить детей.

Полуторка отъехала, перебралась по сооруженному красноармейцами мосту на другую сторону Споница и стала удаляться в сторону Рудни. Мы же стояли и провожали ее глазами, пока она не затерялась среди рудницких хат. К вечеру из поселка ушли все красноармейцы. Об их недавнем присутствии напоминала лишь брошенная ими армейская фура с большими колесами, выкрашенная в зеленый цвет. Одно колесо у нее было сломано, запасного, наверное, не нашлось, а маленькие от крестьянских телег для нее не подходили. Теперь она стояла, приткнувшись к нашему плетню.

Хотя к наступлению этого момента мы готовились – все равно все произошедшее оказалось для нас чересчур быстрым. Многие дела, которые надо было сделать, дед откладывал, может быть, надеясь, что их не надо будет и вовсе делать. Дед корил себя, что затянул с кабанчиком:

– Надо было отдать его красноармейцам. А что теперь с ним делать? Да и некогда с ним возиться. Есть дела поважнее.

Действительно, надо было срочно закопать документы и фотографии, среди которых много было военных, и семейные реликвии, которыми дед дорожил. Это были: георгиевские кресты, карманные часы с дарственной надписью и никелированный самовар, на передней панели которого было выгравировано: «Прапорщику такого-то полка, такой-то дивизии Прищепову И.А. за отлично проведенные стрельбы на маневрах». Была еще одна реликвия – это шинель, в которой дед пришел с Германской, но ее он решил не зарывать. Она была сильно изношена, в нескольких местах порвана и заштопана, так что, по его мнению, не могла представлять какой-либо интерес для германцев.

И еще было одно «сокровище», которое хранила мама и которое следовало закопать в первую очередь. Это было отцовское обмундирование: фуражка, синие брюки-галифе, новенькие хромовые сапоги, портупея и много других вещей, положенных красному командиру.

Для надежности дед решил сделать три схрона: для документов и фотографий, реликвий и обмундирования. Документы и фотографии положили в белый ридикуль, привезенный из Черновиц, обмотали его мешковиной и поместили в старое, сплюснутое цинковое ведро. Георгиевские кресты и часы дед обернул чистой полотняной тряпицей и засунул в самовар. Для отцовского же обмундирования потребовался большой мешок. Мама аккуратно все в него сложила, а узел завязала веревкой. Теперь осталось последнее – выбрать места и закопать.

Когда стемнело, дед взял мешок с обмундированием, а мама и тетя Аня – другие, приготовленные для схрона вещи и ушли в сторону Сожа. Часа через два они вернулись. Мы ждали их. Дед, увидев нас, уверенно произнес:

– Ну, все, дети. К приходу незваных гостей мы подготовились. А дальше – помоги нам Бог!

Ночь была для всех тревожной, потому что после нее наступала совсем другая, пока еще непонятная нам жизнь.

Первые оккупанты

Наши части оставили Рудню вечером, а на следующий день, рано утром в нее вошли немцы. Очевидцы рассказывали, что первой в деревню въехала полевая кухня, демонстрируя тем самым, с одной стороны, полное пренебрежение к своим врагам, а с другой – мирные намерения.

В поселке немцы не появлялись, но дед, проявляя осторожность, никого на улицу не выпускал. Мы прилипли к окнам, разглядывая улицу и пытаясь обнаружить на ней непрошенных гостей, но она до середины дня была пуста. Потом в отдалении послышался шум, который постепенно становился все громче и громче. Наконец, мы поняли – откуда он исходил. Из сосонника выползла бронемашина и прямоком – к нашей хате, хотя слева и справа стояли другие, притом некоторые из них были посolidнее, побогаче.

У хаты бронемашина остановилась. Из нее вышли двое солдат и фельдфебель. Солдаты подошли к калитке, сбросили хомут, которым она пристегивалась к плетню и хотели войти во двор, но не тут-то было. На их пути встал Додик, наш дворовый пес. Он не просто залаял, а оскалил зубы и, приседая на задние лапы, рычал, готовый броситься на непрошенных гостей. Таким я его никогда не видел. Мне казалось, что он вообще не умеет лаять. Всех односельчан он знал, чужие к нам не приходили, так что не было необходимости прибегать к лаю. А здесь возник особый случай. К нам пришли не просто чужие, а враги и Додик это почувствовал и смело встал на их пути.

Немцев это, однако, не остановило. Фельдфебель достал пистолет и несколько раз выстрелил. Додик завизжал, а потом, продолжая скулить, куда-то исчез. Путь был свободен. Солдаты вошли во двор, фельдфебель за ними. Мы все переместились к окну, которое выходило во двор, и замерли. Дед проговорил:

– Фельдфебель сейчас постучится и представится.

Но фельдфебель, как и солдаты, молча прошел мимо дверей хаты и нырнул в хлев, ворота которого солдаты распахнули перед ним. Создавалось впечатление, что немцы пришли в свой собственный двор. Они знали, как открываются двери, где что находится и никого ни о чем не спрашивали.

Вскоре из хлева появилась церемония: впереди – наш кабанчик Борька, которого палками погоняли солдаты, а за ними торжественно, с улыбкой на лице – фельдфебель. Дед, наверное, не оставил мысли, что фельдфебель, хоть на обратном пути, но все-таки зайдет в хату и что-то скажет, но... церемония молча проследовала мимо окна и далее – за калитку. Один из солдат погнал Борьку в сторону сосонника, а другой солдат и фельдфебель сели в броневи́к и последовали за ними.

– Взяли в плен нашего Борьку, – сказал дед. В его голосе чувствовалась досада. Может быть оттого, что не отдал накануне кабанчика красноармейцам, а может быть потому, что ошибся в своем предположении об учтивости немцев.

Я хотел пойти разыскать Додика, чтобы оказать ему помощь, если он жив, но дед не разрешил мне выходить. Он, по-видимому, чувствовал, что еще не все закончилось. Оставшись в хате, я полез к деду со своими вопросами, на которые тот неохотно, но отвечал. Я спросил:

– Дедушка, а почему они сразу к нам приехали, а не к другим?

Дед, то ли в шутку, то ли всерьез, ответил:

– Значит, разведка у них хорошо работает.

Я не понял – причем здесь разведка? Ведь она существует, чтобы разведывать расположение врага, а не кабанчика. Дед ответил:

– Исход в войне, внучок, зависит не только от солдат и их вооружения, но и от того, как они накормлены. А этому вопросу германцы всегда уделяли большое внимание.

- А что же они не поехали к нашим соседям – Циркуну или Зарецким?
- А что к ним ехать? В их хлевах, наверное, пусто. Опять же – разведка!
- А почему они не зашли в хату, не спросили разрешения?
- Да потому, что они оккупанты, а оккупанты ни у кого разрешения не спрашивают!

Может быть, я еще долго мучил бы деда своими вопросами, но в это время снова послышался знакомый нам шум и около хаты остановилась та же самая бронемашина, но на ее капоте лежало что-то красное. Присмотревшись, мы поняли, что это – поросычья голова.

Из бронемшины вышли солдаты. Они взяли за уши поросычью голову, внесли ее к нам во двор, положили на крыльцо и молча, ничего не говоря, ушли. Через несколько минут броневик затарахтел и удалился туда же, откуда и приехал.

Мы вывалились из хаты. На пороге лежала голова нашего кабанчика Борьки. Глаза его были закрыты, как будто он мирно спал. Только стекающая на крыльцо кровь говорила о другом.

Пока взрослые обсуждали, что делать с необычным подарком немцев, я пошел разыскивать Додика. Нашел его в углу повети забившегося под дрова. Он был весь в крови, но жив. Жалобно поскуливая, он зализывал левую переднюю лапу.

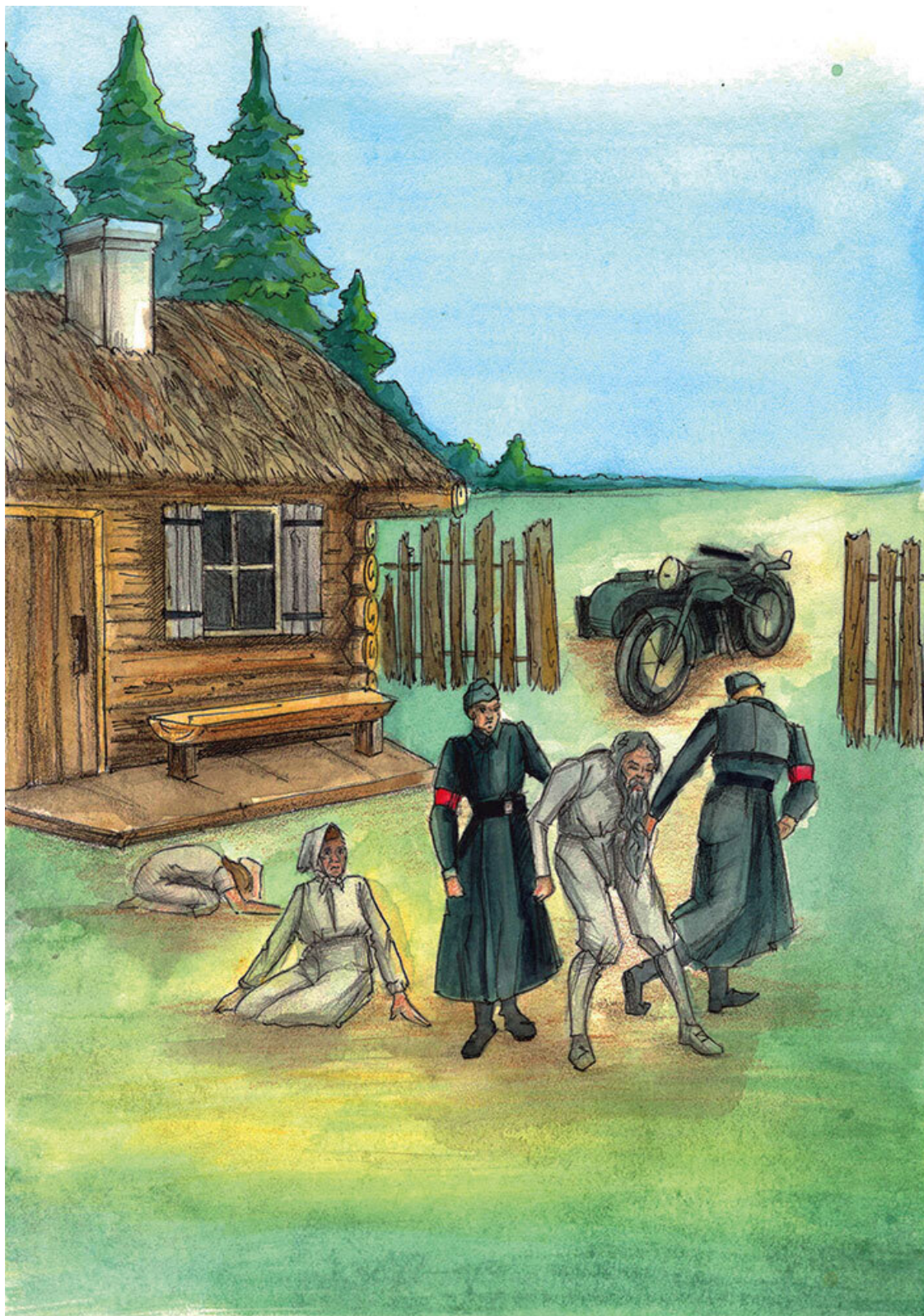
У Додика оказалось две раны. Одна пуля вспорола его бок, оставив длинный след. Эта рана не была опасной, так как пуля внутрь не попала. Тетя Аня смазала ее йодом. А вот другая пуля перебила кость у лапы, оставив невредимым сухожилие. И теперь эта лапа болталась на этом сухожилии. Тетя Аня смазала йодом раздробленные части кости, затем соединила их и туго перевязала это место бинтом. Надо было бы наложить гипс, но где его было взять? Потом эту лапу она прикрепила с помощью пояса к шее Додика, чтобы она была навесу. Додик все это время поскуливал и облизывал в знак благодарности руки тети Ани. Я же стоял и плакал: бедный Додик, такой ласковый и незлобный, а как смело бросился на фашистов! А мы лишь в окно смотрели.

Впрочем, все произошло так неожиданно и так быстро, что мы и глазом не успели моргнуть, как одно из живых существ нашего двора было тяжело ранено, а другое – зарезано. В живых остался только наш кот Кеша. Это был большой черный кот с пушистой шерстью. Он все время сидел на подоконнике и молча наблюдал за происходящим во дворе. По-видимому, он все понял и из дома выходить не спешил.

Весь вечер взрослые обсуждали произошедшее, судили-рядили, как будет дальше и как себя вести.

На следующий день мы, не отошедшие еще от происшедшего накануне, услышали тараканье у хаты. Выглянув в окно, увидели, что возле калитки остановился мотоцикл с коляской. Через мгновение два здоровенных немца в зеленых плащах с красными повязками на рукаве буквально ворвались в хату и, ничего не говоря, схватили деда за бороду и потащили его к мотоциклу. Дед был в одном исподнем. Женщины, не сговариваясь, дружно бросились на них, пытаясь вырвать деда из их рук. Немцы, не церемонясь с женщинами, ударами в грудь уложили их на землю, втолкнули деда в коляску и укатили.

Куда увезли деда и почему – никто не знал и спросить было не у кого. Решили идти в деревню, может быть, там что-то прояснится. Пошли тетя Аня и мама. Оказалось, что в деревне уже существует новая власть в лице старосты Яковцова Леона (Левочки) и двух полицаев. От них женщины узнали, что деда увезла в Ветку в цугундер (тюрьму) полевая жандармерия. Стало также известно, что жители Рудни, узнав об аресте деда, и думая, что его взяли из-за его еврейского имени (Исаак), стали собирать подписи в его защиту, что он никакой не еврей, а обыкновенный белорус. Конечно, они вряд ли отважились бы на такую акцию, если бы речь шла о каком-то простом жителе, даже невинно арестованном. Дед же, хотя и был простым колхозником, пользовался у односельчан колоссальным авторитетом. Позже я более подробно расскажу о нем.

Вернувшись домой, женщины уселись за стол. Это был по сути женский совет: прабабушка Домна, бабушка Арина, тетя Аня и мама. Вопрос был один: как вызволить деда. Решили утром идти в Ветку к новому начальнику – бургомистру и вручить ему своего рода поручительство жителей деревни, что дед Исаак – не еврей. Откровенно говоря, в то, что оно поможет, никто не верил. Но это была хоть и маленькая, но единственная возможность помочь деду.

Рано утром тетя Аня и мама отправились в Ветку. Взяли с собой немного еды и дедову одежду. Пошли вдоль Сожа напрямки. Уже при подходе к Ветке они неожиданно увидели идущего им навстречу деда. Его отпустили и он, чтобы не пугать своим видом людей, тоже пошел вдоль Сожа. Поплакав от радости, счастливая тройка отправилась домой в поселок, рассказывая поочередно о своих злоключениях. Дед, узнав о поручительстве руднян, посмеялся, но в душе был доволен, что у него столько заступников. «Хотя, – сказал он, – если бы я был еврей, то германцы вряд ли уважили бы их просьбу. Даже если бы под ней подписалась вся область!».

Арест деда был вызван другой причиной – угоном колхозного стада из-под самого носа немцев в Брянскую область. Это была серьезная вина перед ними. За нее деду грозил расстрел. Но спасло его от этого, как он рассказал, следующее. Во-первых, он не просто крестьянин, а бывший царский офицер. Для немцев это кое-что значило. Во-вторых, он около года жил в Восточной Пруссии, говорил по-немецки. Это тоже немаловажный факт. Но все это, как сам считал дед, не могло перевесить его вины перед ними – угона скота. На вопрос – зачем он это сделал – дед чистосердечно ответил: «Befehl!» (приказ!). Вот этот аргумент, по мнению деда, германцы приняли, так как сами выполняли все бефели, строго требовали от подчиненных их выполнения и хорошо понимали, что будет с человеком, который бефель не выполнит.

Прошла неделя. Мы постепенно приходили в себя от пережитого. Коров немцы не тронули. По утрам бабушка доили нашу Зорьку, а я выгонял ее за околицу, где собиралось общее стадо. Потом шел к Додику. Он поправлялся, с удовольствием пил молоко и стал ходить по двору на трех лапах. Четвертую носил перед собой на перевязи.

Немцы в поселке не появлялись. Один только раз пришли полицаи и прибили к фасадам хат приказ немецких властей, напечатанный крупными буквами на желтой бумаге. В нем говорилось, что жители не должны пускать на ночлег евреев, политруков и красноармейцев, выходящих из окружения. За неисполнение – расстрел! Но пока никто к нам на ночлег не просился и царившая тишина и безлюдье возвращали нас в прошлые времена, когда фронт был еще далеко.

Так как новости можно было узнать только в деревне, то дед отправил туда на разведку тетю Аню и меня с ней. В Рудне жило много наших родственников и было у кого остановиться. Мы выбрали бабушкину сестру Ульяну. С ее хаты начиналась Аверьяновка, улица, идущая со стороны Ветки.

По улице то и дело проезжали повозки, машины, мотоциклисты. Тишина наступала на несколько минут, но потом за окном снова что-то тархтело. Не сравнить с нашей единственной улицей в поселке. Там, если кто и пройдет, то к колодезному журавлю за водой. А потом – тишина, наполненная стрекотаньем кузнечиков.

От деда Михая, мужа бабы Ули, мы узнали, что немцы не только забрали всю живность из хлева, но и «вычистили» хату: забрали самовар, часы-ходики и деревянные расписные ложки. Оставили только чумазные чугушки, старый помятый чайник и тяжелые глиняные тарелки и чашки. Тем не менее, каждая новая партия немцев, появлявшаяся в деревне, начинала снова шарить по сундукам, комодам, хотя там уже нечего было взять. Хоть объявление вешай, – жаловался дед, – что в хате уже была проведена реквизиция и притом не одна.

Баба Уля, в свою очередь, охарактеризовала поведение оккупантов, но уже с продовольственных позиций:

– Не успеют войти в хату, как сразу – matka, mleko, jajki, шпек (сало), шнапс! А где – здравствуйте? А потом, где это я им все возьму? Ну, mleko, понятно, должно быть – корову-то оставили. А, с другой стороны, mlekom этим всю их ораву не напоишь! Корова у нас молодая, да и своих ртов хватает. Вон их у нас – целых пять! А когда говоришь «никс», так начинают кричать, требовать. Того и гляди что-нибудь с коровой сделают. А кому потом жаловаться? Этому пентюху Левочке? Поэтому приходится изворачиваться. Всегда приберегаю в погребе кувшин для наиболее рьяных.

То, о чем рассказали старики, не было преувеличением. Мы на себе испытали беспереносность оккупантов, хотя до вещевого мародерства у нас еще не дошло. Это ожидало нас впереди.

Тетя Аня, в свою очередь, рассказала о нашем житье-бытье, как был арестован дед и как ходили его выручать. Поахали, поохали, а потом сели за стол, где баба Уля поставила чугунок с компотом и чашки. Но попробовать компот не пришлось. К хате подкатил грузовик и из него стали выпрыгивать немцы. Лица деда Михая и бабы Ули сразу напряглись. Мы тоже сжались, ожидая воочию увидеть сцены, которые перед этим так красочно они нарисовали. Но время шло, дверь не открывалась и на пороге никто не появлялся. За окном же нарастал шум, временами раздавался хохот. Заинтригованные, мы стали осторожно выскальзывать из хаты на крыльцо. Палисадника не было и фасад хаты сразу упирался в улицу. И что мы неожиданно увидели? Под окнами хаты с голыми задницами сидели немцы и испражнялись. Стоявшие с ними рядом указывали на них пальцами и хохотали. Женщины, увидев это зрелище, сразу отвернулись, а потом ушли в хату. Дед Михай и мы, дети, постояв еще какое-то время, тоже к ним присоединились.

Вроде бы ничего особенного не произошло. Солдат приперло – вот они и испражнялись. Но возникшее внутри каждого из нас чувство гадливости от увиденного требовало объяснений. Дед Михай после некоторого молчания высказался так:

– Ехали издалека, приперло, вот и не добежали до кустов.

Баба Уля, не возражая, тем не менее уточнила:

– Кусты-то рядом! Вон через дорогу. Могли бы и добежать. А теперь выгребай это дерьмо!

Действительно, с другой стороны улицы хат не было, росли лишь густые кусты лозы, за которыми было кладбище. Да и во дворе был туалет, которым можно было воспользоваться.

Все происшедшее по-своему объяснила тетя Аня. Она была самой образованной из нас: кончила семилетку, потом бухгалтерские курсы, много читала, библиотеку собрала. С ее точки зрения случившийся факт говорил о другом: немцы испражнялись демонстративно. Не случайно они это делали не в кустах, а под окнами, прилюдно. Этим они хотели убедительно сказать все, что они думают о нас, как они нас воспринимают.

Старики промолчали. Такое объяснение случившегося им надо было еще обдумать, переварить.

Через некоторое время за окном раздалась команда, солдаты попрыгали в кузов и, удовлетворенные и облегченные сделанным, укатили. Выждав какое-то время, дед Михай, а за ним и мы вышли на улицу. Под окнами лежали кучи жидкого и вонючего дерьма, слегка припорошенные кусочками белой бумаги.

– Вот, – сказал дед Михай, – прибавили мне работы. А ты, – он обратился ко мне, – Расскажи обо все этом деду Исааку. Он человек бывалый и сможет более обстоятельно все объяснить.

Деду я не стал ничего рассказывать. Просто было неприятно об этом говорить. Рассказала ему обо всем этом тетя Аня. Дед, промолчав несколько минут, сказал:

– Да, германец изменился. Если раньше он хотел нас просто победить, то теперь – не только победить, но еще и обгадить.

Тетя Аня тяжело вздохнула:

– Это они и к нам завтра могут приехать и наложить кучи под окнами?

– Могут, – ответил дед, – и ничего здесь не поделаешь: сила-то на их стороне. Да и в душе у них пусто. А вот когда мы сравняемся силой с ними, тогда они перестанут гадить! А если превзойдем, то они уже станут гадить под своими окнами, чтобы умиловить победителей!

Все рассмеялись, хотя в душе в возможность такого исхода никто тогда не верил. Но дед в своих прогнозах оказался прав.

Пленные красноармейцы

У бабушки Арины кроме сестры Ульяны были еще два брата – Кузьма и Каллистрат. Кузьма держал пасеку и имел единственный в деревне кирпичный дом под железной крышей. Каллистрат ничем особенным не выделялся, разве что наличием двух прозвищ – Каля и Судья. Второе прозвище он получил от односельчан за то, что работал до войны почтальоном и иногда приносил из Ветки повестки в суд.

Между братьями и сестрами были странные отношения, точнее – никаких. Они не ходили друг к другу в гости и не проявляли никакого интереса к своим сородичам. Дед считал это неправильным и говорил, что надо хотя бы изредка навещать друг друга, узнавать – может быть нужна какая-то помощь. Сам он без приглашения ни к кому не ходил, а проведать посылал своих детей и внуков.

У бабы Ули мы уже были, на очереди теперь были Кузьма и Каля. Дед, несмотря на свой принцип – навещать время от времени по очереди всех сородичей, в отношении Кузьмы делал исключение. Он считал, что к Кузьме без приглашения идти не надо, так как тот мог подумать, что пришли не навесить, а получить задарма мед. Поэтому оставался Каля, к которому дед и отправил Тетю Аню и меня с Ларисой.

Хата Кали стояла в центре деревни, у моста через Спонич, на пересечении трех улиц – Аверьяновки, Песковатки и Маниловки. Таким образом, из окон его хаты было видно все, что двигалось в любом направлении и можно было составить представление об обстановке в районе, а, может быть, даже и на фронте.

Каля жил один. Нашему приходу он не обрадовался, но в хату пригласил. Это был приземистого роста мужичок, с маленькими, часто мигающими глазами, не проявляющий никакого желания ни расспрашивать, ни самому что-либо о себе рассказывать. Был он весьма прижимистым и ничего не предложил даже нам, детям. На все вопросы тети Ани он отвечал односложно – да или нет. Чувствовалось, что ему скорее хотелось выпроводить нас. Тетя Аня это поняла и не стала мучить его дальнейшими расспросами. Извинившись за неожиданный приход, она подтолкнула нас к двери и мы оказались, к своему удовольствию, после темного помещения на освещенной солнцем улице.

Когда мы шли к Кале, улицы были почти безлюдными. Изредка из хаты выходила какая-нибудь старуха и тотчас же исчезала за плетнем. Сейчас же мы увидели на Аверьяновке какое-то оживление. Из хат выбегали женщины и выстраивались вдоль улицы, по которой со стороны Ветки двигалась какая-то плотная масса людей. Мы застыли у калитки, ожидая, когда эта масса приблизится к нам и можно будет разглядеть их. Через некоторое время картина прояснилась – это была колонна пленных красноармейцев. Некоторые из них были в нательных рубашках и босиком. Из-за окровавленных бинтов, которыми были обмотаны их руки, шеи и головы, колонна имела пестрый вид. Тяжелораненых поддерживали товарищи – кого только с одной стороны, а некоторых – с двух. При этом создавалось впечатление, что колонна двигалась сама собой, так как ни впереди, ни по бокам конвоиров не было. Только когда ее хвост поравнялся с нами, мы увидели странное зрелище. За последним рядом красноармейцев, которые были все босиком, шли немцы, тоже выстроенные в ряд. У всех у них винтовки были за спиной, а в руках – длинные березовые палки с заостренными концами. Остриями этих палок они время от времени кололи пятки красноармейцев, не давая тем расслабляться. Те толкали руками в спину впереди идущих, заставляя их ускорять шаг. В результате, несмотря на большое количество раненых, еле переставлявших ноги, колонна двигалась довольно быстро. В таком темпе не ходили до войны даже здоровые красноармейцы. Я не раз видел их колонны, идущих с песнями по улице или на параде в военном городке.

Женщины, выбежавшие из хат, молчали, внимательно всматриваясь в лица пленных, пытаясь увидеть среди них своих родных. Пленные же по сторонам не смотрели. Головы их были опущены или упирались в спину впереди идущих.

Даже когда колонна перешла через мост и стала удаляться в сторону Добруша, женщины по-прежнему продолжали молча стоять, как будто перед этим по улице пронесли покойников. Они крестились и шептали молитвы, прося о заступничестве Всевышнего за тех, кого только что прогнали через деревню, а также за своих мужей и сыновей, которых, может быть, в это время тоже где-нибудь гнали.

Мы, пораженные увиденным, тоже продолжали стоять и молчать. То, что я увидел, никак не вязалось в моем представлении о наших бойцах и командирах. Я никак не мог понять – как же так? В песнях и рассказах они всегда были смелыми и находчивыми. Да и не только в песнях. До войны я знал многих сослуживцев отца. В Черновицах каждое воскресенье, если не было учений, почти весь штаб собирался у нас дома. Вспоминали войну с белофиннами, рассказывали непростые случаи из своей жизни. И всегда, из самых невероятных ситуаций наши командиры выходили победителями. Иногда, шутя, рассказывали всякие небылицы. Было весело, смеялись. Особенно рельефно в моей памяти запечатлелись образы дяди Саши Довбенко, лейтенанта Поплавского, не расстававшегося с гитарой, весельчака Зураба, умевшего произносить поучительные тосты. Я не мог себе представить их, идущими босиком, с опущенными головами и подгоняемые березовыми палками. Нет-нет, такого бы они не допустили!

Домой мы возвращались по Проскину, заливному лугу между Рудней и Затонем. Стояла тишина. Тетя Аня, обняв нас, еле передвигала ноги, погруженная в свои мысли. Наверное, она думала о своем муже Якове, от которого с самого начала войны не было никаких вестей.

Вернувшись домой, мы с волнением, перебивая друг друга, рассказывали об увиденном. Тетя Аня, всхлипывая, говорила:

– Понимаешь, папа, гнали их, как скотину, палками, раненых, раздетых!

Дед ее остановил:

– Погодь, Анята. А что, и конвоиров по бокам не было?

– Не было, папа. Только сзади с палками.

– А винтовки?

– Винтовки у них были, но за спиной.

Вот этот факт деда особенно задел:

– Видать, – медленно проговорил он, – это были не простые красноармейцы, наверное, командиры, коммунисты. Стали бы они за двадцать верст, через деревни гнать простых красноармейцев. Значит, у германцев расчет особый на то был. Скорее всего, они решили, что гадить у нас под окнами недостаточно. А вот прогнать наших командиров палками, как скот, это, они посчитали, будет более убедительным.

После этих разъяснений деда наступила тишина. Каждый, наверное, задумался о своих близких: мы с мамой – о нашем отце, тетя Аня – о Якове, а дедушка и бабушка – о своих сыновьях, командирах Красной армии Прокопе и Николае. Где они? Воюют? Или в плену? В последнее никому не хотелось верить.

Зеленый крест

Фронт был уже где-то далеко на востоке, а через наш поселок все шли и шли выходящие из окружения красноармейцы. Они приходили всегда ночью, осторожно стучали в окно. Стучали тихо, еле слышно, но стук в хате слышали почти все. Его начинали ждать еще с вечера и чем больше проходило времени, тем напряженнее становилась в хате тишина, тем чутче мы вслушивались в каждый звук, каждый шорох за окном.

На стук отзывался всегда только дед. Он быстро вскакивал и, стараясь не звякнуть засовом, в одном исподнем выскальзывал в ночную темень. Мы в это время замирали, пытались уловить хоть какой-то шепот. Но во дворе по-прежнему было тихо, не подавал голоса даже Додик, всегда начинавший рычать, когда к поселку подходили немцы или полицаи.

Дед отсутствовал обычно долго, мы уставали от ожидания. Наконец, он появлялся и начинал хлопотать у стола, где с вечера лежали приготовленные хлеб и вареная картошка. По тому, сколько времени он нарезал ломтей, мы угадывали – один или несколько человек ждали его за дверью. Иногда дед брал с собой чистые тряпки – значит, среди окруженцев были раненые. Их он перевязывал, а затем помогал устроиться на ночь в баньке, стоявшей напротив хаты метрах в двухстах, на крутом берегу Спонича.

Вернувшись, дед молча укладывался около бабушки. Никто его ни о чем не спрашивал, сам он тоже не произносил ни слова.

Снедали мы рано, усевшись за большим кухонным столом, стоявшим у самого окна, выходявшего во двор. Дед всегда сидел в углу, под образами, возле него – я, затем – моя мама с пятимесячной Светой на руках, тетя Аня и ее дочка Лариса. У противоположного конца стола стояла табуретка для прабабушки Домны, но та чаще всего утром с печки не слезала и еду ей подавали туда. Бабушка Арина за стол не садилась. Она хлопотала у печи, орудуя сковородником и ухватами.

Разнообразие в еде не было. Каждое утро бабушка ставила посреди стола чугунок с толченой картошкой. До прихода немцев она была со шкварками, которые мы с Ларисой пытались выудить ложками. После того, как немцы навели в хлевах свой порядок, картошка в чугунке стала без шкварок. Вместо них бабушка добавляла в нее мелкие черные угольки, за которыми мы с Ларисой продолжали охотиться, думая, что это шкварки.

Ели молча, искоса поглядывая на деда. Он сидел прямо, как в седле. Его осанистую фигуру облегал чистая ситцевая рубашка темно-синего цвета, косой ворот которой был застегнут мелкими белыми пуговичками. Широкая седая борода, доходившая чуть не до пояса, была аккуратно расчесана. Ел он спокойно, не торопясь, пресекая время от времени своим острым взглядом наши попытки покопаться в чугунке в поисках шкварок.

Когда дед замечал, что картошка оставалась только на дне, он клал ложку, вытирал рушником губы, проводил несколько раз рукой по бороде и, откашлявшись, начинал:

– Ну, так вот...

Этой минуты мы все с нетерпением ждали и, прекратив шкрабание по дну чугунок, устремляли на него взгляды. А дед, выдержав небольшую паузу, как бы снова переносился в минувшую ночь.

– Ну, так вот... вышел я на крыльцо – никого. Пригляделся. Из-за угла кто-то выглядывает. Потом выходят. Двое. Молодые хлопцы, в форме... Поздоровались... Ну, значит, первым делом спрашиваю: кто такие, откуда...

И далее дед, с крестьянской обстоятельностью передавал ночной разговор с окруженцами. Для всех нас это были маленькие политбеседы, из которых мы узнавали что-то новое о наших. Мы привыкли к ним и ждали их с нетерпением. Но было в этом ожидании и что-то личное для каждого из нас. Мама и тетя Аня надеялись что-то узнать о своих мужьях, наших с

Ларисой отцах, бабушка – о сыновьях. Все служили до войны в приграничных районах, откуда шли окруженцы, и они, может быть, что-то могли о них слышать.

Была особая потребность в этих беседах и у деда. Ему, бывшему прапорщику царской армии, хотелось уловить, понять пока еще не совсем ясное для него сложное движение войны, а потом уже разъяснить смысл происходящего нам. То, что наша армия отступала, что многие соединения оказались в окружении – это не вызывало у него удивления. В 1914 г. он служил в одном из корпусов генерала Самсонова и сам испытал на себе силу внезапного удара немцев, сам выходил ночами в Восточной Пруссии из окружения, был тяжело ранен в голову и несколько месяцев пролежал в крестьянской хате, куда его без сознания принесли солдаты. Так что для него движение вспять было хорошо знакомо и понятно. Мучило его другое. Он никак не мог понять, что фронт можно прорвать на такую ширину и глубину. И еще: как, чем можно заштопать эту гигантскую дыру? И можно ли вообще это сделать? Беседуя с окруженцами, он пытался получить ответ на первый вопрос. Дать ответ на второй вопрос они не могли. Деда это раздражало, злило. Он пристально всматривался в окруженцев, пытаясь найти в их поведении, рассказах хоть какие-то косвенные доказательства того, что германцев, в конце концов, удастся остановить.

Особенно выводили его из себя окруженцы, переодетые в гражданскую одежду и шедшие без оружия. Тогда дед чуть не выстраивал их в шеренгу, топал босыми ногами, выговаривал им, ставил им в пример свой полк, который в 1914 г. тоже попал в окружение, но не сложил оружие и с боями пробивался к своим. В эти минуты ему самому казалось, что не было никакого перерыва между войнами, что это все та же длинная, бесконечная война и он командир снова учит своих солдат уму-разуму. Что удивительно – никто из красноармейцев никогда не огрызнулся, не возмутился, хотя перед ними стоял седой старик в подштанниках и срамил их, только что вышедших из пекла и заслуживавших в эти минуты может быть совсем других слов.

После таких встреч дед не мог прийти в себя целый день. Утром, рассказывая нам о происшедшем ночью разговоре, он сердито, более высоким, чем обычно, голосом, переходя временами на крик, говорил:

– Спрашиваю их: а где же ваше обмундирование? Молчат. А где винтовки? Мнут. Тогда я говорю – а может, вы примачами стать хотите?¹

Это был, с точки зрения деда, самый обидный вопрос, ответ на который помогал ему окончательно составить суждение о красноармейцах.

– Здесь вижу, – продолжал он, – зашевелились... Мы, говорят, не для того целый месяц по ночам идем, чтобы примачами стать. А что обмундирования нет – так оно сподручней. Дескать, не в форме дело. Ну, здесь я им сказал! Разве ж, говорю, без формы может быть армия? Когда я выходил из окружения, так не только при всех регалиях был, но и на коне! А за мной солдаты не только с винтовками были – пушки тащили!

Действительно, так все и было, как говорил дед, в 1914 г. Правда, после тяжелого ранения он уже не знал, что стало с его конем и с пушками, но, тем не менее, он твердо верил, что солдат ни при каких обстоятельствах не должен расставаться со своим мундиром и оружием.

Бывали и другие ночные встречи, после которых дед целый день ходил веселый, шутил. Это случалось, когда на наш поселок выходили небольшие подразделения красноармейцев со всем своим имуществом, ведомые боевыми, не потерявшими духа и веры командирами. В такие дни я смело мог просить у него проехаться верхом на хромоногой лошадке, которую дед

¹ Примак (приймак) – зять, принятый в дом тестя. Однако во время войны в Белоруссии примачами называли также красноармейцев, выходящих из окружения или бежавших из лагерей для военнопленных, которые оставались жить в деревнях у вдов или у женщин, мужья которых были на фронте и о судьбе которых им ничего не было известно. Для таких людей война по сути дела прекращалась. Для кого – временно, пока они не уходили в партизаны или не были вторично мобилизованы при освобождении оккупированных территорий, а для кого и навсегда, если они из-за полученных ранений или из-за возраста признавались непригодными для дальнейшего несения воинской службы.

брал иногда на колхозном дворе, – отказа не было. Подсаживая меня на коня, он спрашивал, подмигивая:

– Ну, что, внучок, текут?

Я не понимал – о чем идет речь и переспрашивал:

– Что, дедушка, течет?

– Ручейки, внучок, ручейки! И потом с уверенностью добавлял:

– Текут – значит, где-то соберутся. А соберутся, тогда – эх! И он ударял ладонью по крупу коня.

В такие дни ему казалось, что он начинал нащупывать ключик к мучившему его вопросу. Рассказывая нам утром во всех подробностях о таких встречах, он уже осмеливался предположить, что сила должна вот-вот собраться и намекал, что ждать осталось недолго, но на все надо время.

Однако наступал новый день и другие вести, на этот раз с востока, отрезвляли его. Он грустнел и выражал свою неудовлетворенность в мелочных придирках к женщинам, в ворчливости и неуступчивости к моим просьбам.

Наступил октябрь. Окруженцы по-прежнему стучались по ночам, но уже реже. Дед все так же «исповедывал» их, затем вручал хлеб и картошку, показывал дорогу на Тарасовку и, благословив, возвращался в хату. Он уже не кричал, не срамил их, даже если они были в крестьянской одежде и без оружия. Эти красноармейцы отличались от тех, что заходили к нам летом. Это были окруженцы первых дней войны. Шли они от самой границы, худые, оборванные, обросшие. Дед, рассказывая о них, не переставал удивляться. На его памяти такого не было, чтобы столько времени пробираться по ночам к своим. Он уже не спрашивал их – не хотят ли они стать примаками, так как чувствовал, что это не те люди, у которых можно такое спрашивать.

Во все время течения этого, как говорил дед, ручейка я так ни разу и не увидел ни одного окруженца. А увидеть хотелось, особенно после встречи с пленными красноармейцами. Хотелось посмотреть на людей, не сломленных, упорных в своем движении на восток, прикоснуться к ним. Мне казалось, что среди них могли быть и отец, и дядя Саша Довбенко, и Поплавский, и Зураб. Стоило мне на минуту закрыть глаза, как я видел всех их, сидящих за столом, спорящих, смеющихся, а потом поющих про трех танкистов, артиллеристов, про Катюшу, про одинокую гармонь. Особенно в душу мне запала песня, которую Поплавский всегда исполнял последней. Он начинал своим низким голосом:

В далекий край товарищ улетает
За ним родные ветры вслед летят
А мы подхватывали:
Любимый город в синей дымке тает
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд

Было в этой песне для каждого из них что-то сокровенное, делавшее их задумчивыми, более внимательными друг к другу. Да, каждый из них был далеко от любимого города, знакомого дома и зеленого сада. И когда они могли туда вернуться – никто не знал.

И вот однажды эта встреча состоялась. Это случилось неожиданно для меня, когда было совсем еще светло. Я вошел с улицы во двор и увидел незнакомого человека, сидящего напротив крыльца на колоде. В руках он держал кружку с молоком, а у его ног лежала суковатая палка. На крыльце сидел дед, а рядом расположились женщины. Незнакомец был в пожилом возрасте, но моложе деда. Большая голова, широкая грудь, длинные руки с узловатыми пальцами выдавали в нем сильного человека. Какой-то серенький пиджачок и такие же серенькие

брюки были ему явно малы и открывали запястья рук и щиколотки ног, на которых каким-то чудом держались расхлябанные, с обрезанными голенищами кирзовые сапоги.

Когда я вошел, говорил дед, а незнакомец, прикрыв глаза, слушал. Увидев меня, он улыбнулся. Лицо его сразу оживилось, потеплело. Обращаясь к деду, но глядя на меня, он сказал:

– А вот, наверное, и внучок ваш, Исаак Антонович?

С первого же взгляда на этого, неожиданно появившегося и необычно одетого человека я каким-то внутренним чутьем понял – это он, окруженец! А после первых его слов уловил в интонации его голоса какие-то, одному мне понятные нотки, подтверждавшие мою догадку. Неожиданно для него и самого себя я выпалил: «Вы – командир, дядя?». Он удивленно произнес:

– С чего это ты взял?

Я в растерянности заметался глазами по всей его фигуре, пытаюсь отыскать какие-то доказательства моей догадки. Однако сгорбленная его поза, крестьянская одежда, серое небритое лицо с черными кругами под глазами – ничто не выдавало в нем военного. И вдруг на глаза мне попался серебристый ежик его волос. Конечно, волосы, – обрадовался я своей находке. Во-первых, такой стрижки у деревенских мужиков не было, а, во-вторых, скорее всего, до войны он брил голову, как говорили, «под Котовского». Так поступали тогда многие крупные военачальники. Укрепившись в своей догадке, я уверенно произнес: «Волосы!». Незнакомец улыбнулся:

– Ты наблюдательный, мальчик. Разведчиком будешь.

– Нет, штабистом! – возразил я.

– О-о-о, – засмеялся он, – так ты, чувствую, штабную науку уже познал. С отцом, наверное?

Только я открыл рот, чтобы рассказать об отце, о штабе, о своих взрослых товарищах, как дед на меня прикрикнул:

– Погодь, дитенок! Что ты пристал к человеку? Видишь – притомился он, да и гуторить мы не закончили.

Когда дед сердился, он всегда называл меня дитенком. Незнакомец же подмигнул мне – дескать, не сердись и усадил рядом с собой на колоду, обняв за плечи. Дед же прокашлялся и уже спокойным, уверенным голосом продолжал:

– Значит, Алексей, я так предполагаю. Если ты только в окружении, а не в плену, то ты все еще воин и обязан соблюдать присягу и устав, а следовательно, с мундиром не имеешь права расставаться!

Незнакомец кивнул головой:

– Исаак Антонович, полностью согласен с вами, но ведь на войне такие переплеты случаются, что... Он покачал головой и махнул рукой:

– Вот, например, взять меня. Вечером в дом, где мы расположились, попал снаряд. Очнулся я только на вторые сутки. Осмотрелся – лежу на кровати... в полотняном белье, явно чужом. Рядом какие-то женщины хлопочут, да и дом совсем другой. Потом они мне рассказали, что нашли меня в грядках без сознания, а в деревне уже немцы были. Вот они меня в дом перетащили и переодели, а потом недели две выхаживали. Сначала я и говорить не мог, потом уже речь вернулась. А обмундирование? Зарыли, наверное, где-нибудь. Если б фашисты обнаружили меня в нем, они бы церемониться не стали. Я для них не просто противник, а злейший враг.

Дед при этом рассказе подался вперед, рот его приоткрылся – видимо вспомнил свою историю, так похожую на эту. Когда дядя Алексей закончил, воцарилась тишина. Потом дед встрепенулся:

– Так. Это мне все знакомо. Ну а зачем же в таком состоянии идти? Надо же было отлежаться, чтобы крепче встать на ноги. Вот я, к примеру, полгода лежал после ранения и контузии.

Дядя Алексей улыбнулся:

– Да, Исаак Антонович. С медицинской точки зрения, конечно, надо лежать, приходиться себя, сил набираться. А по совести... Не могу я сейчас лежать. Теперь каждый боец на счету, каждая минута дорога. Да вы с большим опытом офицер – сами все хорошо понимаете.

Дед при этих словах приосанился:

– Так-то оно так, да чтобы воевать, надо силу иметь. Сможешь ли ты сейчас воевать? Да и до своих дойти?

– Может быть, и не дойду. Не в этом дело. Главное сейчас то, что я снова встал в строй. А встал – значит воюю.

Дед удивился:

– Как в строй? Как воюешь? У тебя же ни оружия, ни формы, да и командовать нечем!

– Да, оружия нет и командовать нечем, но я и раньше не командовал. А воевать – воюю!

С лица деда не исчезло недоумение. Рот его был приоткрыт, руки теребили бороду. А дядя Алексей выпрямился и с еще большей уверенностью продолжал:

– Да, – воюю! Сейчас надо не только людей и оружие сберечь, но и веру! Без нее не победишь! А в народе сейчас сумятица. Надо людей в чувство приводить, настраивать. Мы уже забыли не только про татарскую орду, но и про нашествие поляков и про Наполеона. А забыли – значит, потеряли навыки сплочения, противления чужому духу. Их надо заново в людях восстанавливать.

Лицо деда посветлело. Он уже более мягким, доверчивым голосом спросил:

– А не поздно? А вдруг Москву займут?

– Не поздно, Исаак Антонович. Тяжело, конечно, будет, если Москву отдадим. Но это еще не конец. Ведь в прошлом случалось и такое и не только выживали, но и побеждали!

Дед удовлетворенно закричал и, закручивая усы, выразительно посмотрел на женщин, как бы говоря, – слышали? Вот она где – правда!

Разговор продолжался бы еще долго, так как деду попался собеседник, который мог многие вопросы толково разъяснить. Но в ходе этого разговора дяде Алексею все труднее становилось говорить. Временами он останавливался, сильнее прижимал меня к себе и с трудом, буквально выдавливал из себя слова. Дед это заметил и, вставая, проговорил:

– Ну, будя. Погуторили и хватит. И, обращаясь к женщинам, сказал:

– Займитесь коровой, а Алексею приготовьте повечерять.

В это время в глубине поселка слышалось мычанье, это пастух гнал коров с пастбища. Бабушка вышла за калитку встречать нашу Зорьку, а мама и тетя Аня ушли в хату готовить еду для дяди Алексея. Наверное, дед специально отослал всех женщин, чтобы мы остались вдвоем – дед, дядя Алексей и я. Пододвинув к дяде Алексею чурбан, дед сел на него и, глядя в лицо ему сказал:

– Так вот, Алексей. Вера в тебе, действительно, большая и, главное, не за себя стараешься. Это хорошо. Помоги тебе Бог! Но, дело в том, что ты в таком состоянии и до Тарасовки не дойдешь. Надо бы тебя доктору показать, но где его возьмешь? Тебе бы хоть недельку отлежаться, но ты видел этот плакат, что на фасаде прибит? Если тебя приютим, то сам знаешь, что с нами будет. Нам, старикам, конечно, не страшно, а вот за детей... В общем так. Ночь ты проведешь в баньке. Повечеряешь, передохнешь. А рано утром мы с внуком переправим тебя на подводе в Княжеский лес. Там есть хутора, где, может быть, еще германцев не видели. Вот там отлежишься, а затем и продолжишь свое святое дело. Понятно?

Дядя Алексей замотал головой, хотел что-то возразить, но дед строго произнес:

– Все, Алексей! Сейчас я старший, так что выполняй мое распоряжение! А ты, внучок, давай в баню и натаškai из предбанника солому, чтобы мог человек хорошо отдохнуть.

Я быстро справился с заданием деда и вернулся во двор. Дядя Алексей стоял у ворот. В одной руке он держал холщевый мешочек со снедью, а другой опирался на свою суковатую палку. Дед положил руку ему на плечо и дал последнее наставление:

– Иди, Алексей, передохни перед дорогой и ни о чем не беспокойся. Завтра рано утром я тебя разбужу.

Дед легонько подтолкнул дядю Алексея к калитке, но я схватил деда за рукав и жалобным голосом стал его просить:

– Дедушка, можно я дядю Алексея до бани провожу?

Дед замялся. Дядя Алексей выжидающе смотрел на него. В поселке установился никем не писанный порядок: окруженцев в бани никто не провожал. Покидали они их на заре, тоже не встречаясь с хозяевами. Считалось, если что – сами зашли туда. Приказ немецких властей, висевший на всех хатах, предельно ясно определял последствия для жителей, пустивших на ночлег кого-либо без разрешения старосты. Поэтому замешательство деда было понятно. Наконец, решившись, он более ласково, чем обычно сказал мне:

– Ну, ладно. Ты только того – долго там не задерживайся. Туда и сразу – назад! Понял?

Я все понял и с благодарностью посмотрел на деда. Все-таки, хоть он и строгий был, но иногда умел понять меня и уважить мою просьбу. Я взял мешочек у дяди Алексея и подал ему руку. На улице не было никого, только в конце ее клубилась пыль – это коровы возвращались с пастбища. Шли мы медленно и молчали. Потом дядя Алексей сказал:

– А как тебя зовут, сынок?

– Женёк.

– Вот так, Женёк, мы и живем теперь. Украдкой приходится встречаться со своими соотечественниками. Озираться по сторонам. А ведь мы на своей земле. Ну, ничего... Перетерпеть надо. А тебе сколько лет?

– Скоро шесть будет, но я уже читать умею.

– Молодец, но все же надо учиться. Только не знаю, кто и как будет вас здесь учить.

– Дедушка сказал, что сам меня будет учить.

– Твой дед молодец, он жизнь глубоко понимает. Слушайся его.

– Я слушаюсь, только он сердитый иногда бывает.

– Сердитый – не прибитый: сам не растеряется и других выручит!

– Да, он у нас смелый. Когда немцы его забрали и хотели расстрелять... И я рассказал историю, случившуюся с дедом, когда в деревню вошли немцы.

– Да, чувствуется русская закваска в твоём дедке. Будь похожим на него, помогай ему. Ведь в вашей большой семье только двое мужчин – ты, да твой дед. Ну, а отца своего не забываешь?

– Не забываю.

– Не забывай, сынок. Ему, может быть, сейчас еще труднее, чем нам.

– Дядя Алексей, а он может выйти из окружения?

– А почему ты думаешь, что он в окружении?

– Дедушка сказал. Раз, говорит, на границе вступил в бой – значит сдерживать будет немцев, пока наши не подойдут.

– Твой дедушка хорошо военную грамматику знает, но на войне всякое бывает. Может быть, он и в окружение не попал.

– А где же он?

– Как где? Воюет, немцев бьет. И ты его по ночам не жди. Спи лучше крепче.

Мы подошли к бане. Дядя Алексей открыл дверь предбанника и сел на порог, осторожно вытянув перед собой левую ногу. Солнце уже садилось и последние, не греющие его лучи осветили его усталое лицо, засеребрили ежик волос на голове.

– А знаешь, Женёк, – задумчиво произнес он, – ведь у меня есть сын Андрей. Дочь еще есть – Наташа, но та уже барышня, а вот Андрею почти столько же лет, как и тебе. В Ленинграде они. Слышал о таком городе? Красивый он. Когда вырастешь, съезди туда обязательно. После войны, конечно.

– Дядя Алексей, а где вы тогда будете?

– Я? Знаешь, сынок, трудно сейчас сказать, ведь война только начинается. За год она не кончится, да и за два вряд ли. Ну, а там... может быть и встретимся. Запомни адрес.

Он назвал номера дома и квартиры на Невском проспекте. Какое-то время помолчал, устремив глаза куда-то вдаль, как будто что-то выискивая. Потом, тяжело вздохнув, решительно повторил:

– Да-да, приезжай. Обязательно приезжай. Уж мы тогда обстоятельно обо всем поговорим. Будет нам, что вспомнить. И ни от кого прятаться не будем: ведь немцев не будет – прогоним их. Так?

Он испытующе посмотрел на меня. Я кивнул. Чувствовалось, что он еще что-то хотел сказать, очень важное для него, но никак не решался. Наконец, поборол себя и решительно сказал:

– У меня к тебе просьба, сынок. Если вдруг... Но дальше не стал продолжать. Немного помолчав, попросил:

– Помоги мне подняться.

Опираясь на мое плечо и палку, дядя Алексей с трудом выпрямился и прислонился к косяку.

– Ну, вот теперь можно и попрощаться. Он взял мою руку и долго не выпускал ее. Ладони его были горячие. Он пристально смотрел на меня, как бы пытаясь запомнить. А, может быть, хотел отыскать на моем лице какие-то черты, схожие с чертами лица его сына. Потом улыбнулся, подмигнул, пригладил торчащий у меня на голове хохолок и подтолкнул к тропинке.

– Иди, сынок. Живи долго!

Я несколько раз оборачивался – дядя Алексей все так же стоял, глядя мне вслед. Уже у самой хаты я помахал ему. Он ответил. Только после этого он шагнул в предбанник и закрыл за собой дверь.

В эту ночь я никого не ждал. Спал крепко, без сновидений. Даже пленные красноармейцы, чуть не каждую ночь появлявшиеся перед моими глазами, едва я их закрывал, на этот раз меня не тревожили. Дядя Алексей как-то сразу вытеснил их, заслонил собой. Спокойствие и безмятежность снова пришли ко мне. Спалось, как в предвоенные годы, и деду пришлось долго меня трясти, чтобы разбудить. А когда я проснулся, дед тихо сказал: «Одевайся и выходи во двор».

Во дворе, у ворот дед хотел что-то сказать мне, но передумал. Подтолкнул меня к тропинке, ведущей к бане, а сам пошел следом. Не доходя до нее, он остановил меня, положил на плечо мне руку и хриплым голосом сказал:

– Вот что, внучок: дядя Алексей... помер.

Догадываясь, что я ничего не понял, он начал торопливо рассказывать, как рано утром сбегал на колхозный двор, запряг Хромоножку и подогнал телегу к бане, как вошел туда и стал звать Алексея, думая, что тот еще спит, как стал будить его, тормошить, пока не понял, что тот не подает никаких признаков жизни.

До меня, однако, не доходило – как это помер? Еще вечером мы с ним разговаривали, договаривались о встрече после войны... И вдруг – помер! Дед, почувствовав мое состояние, встряхнул меня и уже более строго сказал:

– Помер дядя Алексей! От ран помер!

И чтобы как-то меня успокоить, уже более мягким голосом добавил:

– Понимаешь, внучок, все мы, мужики – солдаты. Я – прошлой войны, дядя Алексей – нынешней, да и ты тоже – маленький, но солдат, запах пороха уже понюхал. Ну, а на войне такое часто происходит. Живет человек, воюет, планы строит, а тут вдруг пуля или снаряд и – все! Теперь повезем дядю Алексея не в Княжеский лес, а в сосонник. Там будет его последнее пристанище. Закон такой существует: оставшиеся в живых мертвых должны земле придать, то есть похоронить.

После этих разъяснений дед взял меня за руку и подвел к телеге, которая стояла напротив дверей предбанника. Стой тут, а я сейчас.

Дед распахнул дверь предбанника и нырнул в темноту. Было тихо, изнутри бани не доносились никаких звуков. Минуты мучительно тянулись. Начинало светать. Стали видны очертания хат. Я напряженно всматривался в дверной проем. Мне казалось, что оттуда, вопреки рассказам деда, вот-вот покажется дядя Алексей – большой, плечистый, с суковатой палкой в руке. Однако никто не появлялся. Наконец, послышалось шуршанье и в проеме показалась спина деда. Согнувшись и ухватив под мышки дядю Алексея, кряхтя, он подтащил его к телеге и положил на землю. Живым дядя Алексей весил, наверное, килограмм сто, а сейчас его тело было еще тяжелее. Теперь предстояло положить его на телегу. Хотя телега была низкой, сделать это было непросто. Я ничем не мог помочь деду, а женщин он решил по каким-то своим соображениям в это дело не вовлекать.

Время шло. Стали отчетливо видны хаты, темнеющий невдалеке сосонник, с опущенной головой Хромоножка, телега с сеном и неподвижно лежащий около нее дядя Алексей. Я взглянул на его лицо. Оно еще более потемнело и осунулось, но твердо сжатые губы по-прежнему выражали твердость и решительность. Дед ковырялся в кузове телеги, собираясь что-то сделать, чтобы сподручней было положить на нее тело дяди Алексея. Когда в его руках оказалась боковая грядка телеги – стал понятен его замысел. Дно телеги теперь оказалось почти рядом с телом и дед, взяв его под мышки и напрягшись, положил его на сено. Приделав грядку, дед скомандовал мне:

– Прибери в бане и бегом к хате. Я в это время подготовлю нужный инструмент. Да, побыстрей, а то скоро бабы коров пойдут доить.

Переноса солому из бани в предбанник, я наткнулся на палку дяди Алексея и мешочек с едой, которой он так и не воспользовался. Подумав, я решил все это в бане не оставлять, а отнести деду – пусть решает, что с ними делать.

Когда я прибежал к воротам, то увидел, что на завалинке лежали лопата, пила и топор, а дядя Алексей был накрыт шинелью, в которой дед пришел с Германской. Это была реликвия, которую дед бережно хранил. Увидев меня, дед взял пилу, махнул мне рукой и пошел к брошенной красноармейцами фуре, стоявшей у плетня. Вдвоем мы быстро отпилили дышло. Это был длинный зеленый брус. Его дед отнес к телеге и засунул под сено. Затем пристроил в кузове телеги пилу, топор и палку дяди Алексея, а лопату сунул мне в руки, хотя мог и ее туда же положить. Просто он старался не оставлять меня наедине с мыслями и поручал мне всякие мелкие дела.

В это время завыл Додик. Это был душераздирающий вой, на весь поселок. Дед, стараясь громко не кричать, цыкнул на него, но тот не унимался. Так страшно Додик никогда еще не выл, даже когда его подстрелили немцы. Тогда он просто жалобно визжал. А теперь он буквально выматывал душу, прощаясь по-собачьи с дядей Алексеем.

Дед взял вожжи, стеганул лошадку и быстро пошел рядом с телегой. Я поспешил следом, положив лопату на плечо. Поселок еще спал и маленькая погребальная процессия двигалась по главной и единственной улице поселка без всяких помех. Мне уже приходилось участвовать в погребальных церемониях, правда, только в качестве зрителя, когда хоронили красноармейцев нашего полка в Западной Украине. Здесь же все было по-другому: ни толпы, ни цветов, ни оркестра. Но главное, здесь я был не пассивным зрителем, а участником этой печальной церемонии. Конечно, моя помощь была символической, но у деда, как я понял гораздо позже, на это был дальний прицел: передать своему внуку простые, но вместе с тем нужные для жизни навыки.

Мы проехали половину улицы и свернули к сосоннику, который начинался невдалеке от нее. Дед не стал углубляться в него, а отыскал небольшой пригорок, поросший молодыми осинками, и остановил около него телегу. Осмотрев его со всех сторон, он сказал:

– Ну, все. Приехали. Место красивое, да и сухое. Ты, внучок, лапника наруби, да побольше, а я копать начну.

Когда я нарубил несколько охапок лапника и принес их к телеге, то увидел, что могила была уже выкопана, правда, не очень глубокая. Ее края не доходили даже до пояса деда. Желтый песок, выброшенный на поверхность, лежал только с одной стороны могилы, а с другой, где стояла телега, была ровная чистая площадка. Выложив частью лапника дно могилы, дед выбрался на поверхность, обошел могилу вокруг, оценивая свою работу, и, по-видимому, остался доволен.

– Ну, все, внучок. Готово. Сейчас начнем.

Сняв с дяди Алексея шинель, он расстелил ее перед могилой на площадке. Засунув руки под его тело и поднатужившись, он рывком приподнял его и быстро опустил на шинель. Затем засунул руки дяди Алексея в рукава шинели и застегнул ее. Выпрямившись, он удовлетворенно сказал:

– Ну, все, Алексей. Теперь ты воин, в форме. Правда, не все по уставу, но не на парад отправляешься. Сложив его руки на груди, он позвал меня:

– Ну, давай, внучок, прощаться. Становись рядом со мной. Прокашлявшись, он начал не то говорить, не то петь, старательно выговаривая слова:

Успокой, Господи, душу усопшего раба твоего Алексея
И прости ему все прогрешения вольные и невольные.
Он до конца выполнил долг воина, не посрамил нашей
Веры, следуя заветам наших предков. Прими его,
Господи, в свое Царствие Небесное. Аминь.

И уже от себя, перекрестившись, добавил:

– Прощай, Алексей. Ты сделал все, что мог. Теперь наш черед. Будем держаться. Всклипывая, но стараясь подражать деду, я проговорил:

– Прощай, дядя Алексей. Мы тебя будем помнить.

После этого прощального обряда дед спрыгнул в яму и, пододвинув тело к самому ее краю, быстро опустил его на дно. Потом, взяв оставшийся наверху лапник, накрыл им лицо

дяди Алексея, руки и ноги, а сбоку положил его суковатую палку. Выбравшись наверх, он бросил в яму горсть земли. Я сделал то же самое. Потом, взяв лопату, начал засыпать ее.

Очень скоро яма была засыпана, но песок еще оставался. Воткнув в него лопату, дед вытащил из-под сена зеленый брус и попросил пилу. Мы отпилили от него небольшую часть, длиной примерно в метр и сделали еще два надреза в оставшемся длинном куске. Затем дед выдолбил топором углубление в месте надрезов и вогнал туда более короткую часть бруса. Получился крест.

– Ну, вот, внучок. Теперь будет все по-христиански.

Он воткнул его в песок, в конце могилы, в ногах у дяди Алексея, а потом быстро набросал холмик. Со стороны казалось, что он всегда был на этом месте – с зеленым крестом, вышивавшимся над ним.

– Ну, все, внучок. Мы свой долг выполнили. Думаю, что Алексей на нас в обиде не будет.

Назад мы возвращались, усевшись на телегу. Солнце светило уже вовсю и навстречу нам неслись привычные звуки пробуждающегося поселка. Сначала мы молчали, но потом я спросил:

– Дедушка, а кем был дядя Алексей?

– Насчет чина не знаю, но по тому, как говорил, как держался, – навряд ли из рядовых.

Потом, немного помолчав и что-то припомнив, добавил:

– Должно быть, комиссар был: власть над людьми мог занять через слово, да и взгляд широкий имел. Это я в нем сразу определил.

И здесь я не выдержал и задал вопрос, который давно вертелся у меня на языке:

– А как же крест?

– А-а-а, – протянул он. Потом пожевал немного губами и махнул рукой:

– Да все одно – наш он, русский. Мы своих хоронили в Германскую под такими же крестами, только обструганными, белыми. Надо было бы и этот обстругать, да видишь, как все в спешке делалось. Даст Бог – обстругаем.

Потом добавил к сказанному:

– Да и крещеный он был. Как я, как твой отец и мать. Все мы одной веры – православные. Вот вы только... Да и вы, думаю, когда-нибудь воссоединитесь с нами.²

После неожиданной смерти дяди Алексея и его тайных похорон дед как-то построжел, стал задумчив и менее говорлив. По-видимому, эта встреча и ее печальный конец привнесли в него что-то новое, приоткрыли какую-то сторону жизни, принять которую сразу, без мучительных размышлений он не мог. Однако вскоре другие заботы и дела отвлекли его от случившегося, да и меня тоже, хотя окончательно освободиться от ощущения потери человека, ставшего в одночасье близким нам, мы долго еще не могли.

Зеленый крест над небольшим холмиком в сосоннике, так и не обструганный, простоял до осени 1943 г. Я часто приходил к этому месту, а однажды нарисовал на перекрестии красным карандашом звезду. Я не сказал об этом деду, но, думаю, если бы он узнал, то не стал бы меня ругать.

А осенью 1943 г. после длительных и тяжелых боев, связанных с форсированием Сожа, на месте сосонника не осталось ни одного дерева. Все это пространство было изрыто траншеями, перепахано воронками от взрывов снарядов и мин. Исчез и зеленый крест. Может быть, в него попал снаряд, а может быть, он был использован в качестве подручного средства при переправе через Сож. Как бы то ни было, но, думаю, что дядя Алексей в этом сражении, наконец, соединился со своими. С теми, кто при форсировании так и остался лежать на этом берегу.

² Дед оказался провидцем. 60 лет спустя – 2 августа 2001 г. я крестился в Богоявленском кафедральном соборе в Москве. В том самом соборе, где 200 лет тому назад крестили А.С. Пушкина.

Последний окруженец

Заканчивался октябрь. По ночам в окно больше никто не стучал. Мы думали, что дядя Алексей был последним из окруженцев, зашедшим в нашу хату, но ошибались. Оказалось, что последним был не он, а наш отец.

Однажды глубокой ночью в дверь сильно постучали. То, что стучали в дверь, а не в окно и притом сильно, нас насторожило. Окруженцы никогда в дверь не стучались, а немцы и полицаи по ночам не ходили. Дед сразу выскользнул во двор. В прищельце, стоявшем за дверью, он не сразу узнал своего зятя, хотя ночь была светлой. Перед ним стоял бородатый хлопец, нисколько не напоминавший того, кого он видел перед войной. Только по голосу и обращению к нему по имени и отчеству дед, наконец, признал в пришедшем своего зятя, нашего отца.

Оказалось, что 12-я армия, в которую входила его дивизия, попала под Уманью в окружение. Из него удалось вырваться только небольшой группе командиров, среди которых был и он. Сначала они пытались догнать своих, но вскоре стало понятно, что это вряд ли удастся – слишком быстро удалялась от них линия фронта. Немцы катили на машинах, мотоциклах, делая в сутки по 40-60 км., а они шагали пешком, да еще с остановками в деревнях, где помогали крестьянам за еду и ночлег.

Группа постепенно редела. Через полмесяца их осталось двое, а потом отец и вовсе остался один. На Украине не было больших лесов, пригодных для партизанской войны, а также родственников, к которым можно было бы на первое время приткнуться. Поэтому оставался один вариант – идти в Белоруссию, где были и леса и родственники. Кроме того, отца не оставляла в покое мысль о нас – добрались ли мы до деда или нет. Выработан был и план: дойти до дедовой хаты, выяснить, не обнаруживая себя, – там мы или нет, а потом – сразу в лес. К партизанам. Как этот план осуществлялся на деле, отец рассказал в своей книге «Жизнь длиной в 100 лет», изданной в Москве в 2012 г.:

«Дед впустил меня только в сени, чтобы дети не увидели. Он зажег керосиновую лампу и позвал женщин. Их взору предстал не то мужик, не то хлопец в рваной крестьянской одежде, в котором они тоже не сразу признали своего зятя, а жена – мужа. Только всмотревшись в меня, они, наконец, поняли – кто стоит перед ними.

Когда женщины выплакались – кто из сострадания, кто от радости увидеть живым любимого человека, я начал сбивчиво рассказывать о своих злоключениях после начала войны. Дед задавал вопросы. Если его устраивал ответ, то он одобрительно качал головой, если – нет, то начинал теревить усы.

После моего рассказа и ответов на вопросы деда все, за исключением жены, пошли спать. При этом дед еще не принял никакого решения о дальнейших действиях. Слишком все быстро и неожиданно произошло, надо было обдумать, что делать дальше.

Оставшись вдвоем, я стал расспрашивать жену и та поведала о их дорожных мытарствах после отъезда из Черновиц. Мы говорили, говорили и не могли наговориться. Слишком много хотелось узнать и о многом рассказать. Когда сквозь щели дверей стал пробиваться со двора свет, я спохватился – надо уходить. И немедленно! Именно такой вариант предусматривался моим планом после выяснения – доехали они или нет. Но я не предусмотрел одной простой вещи. Планировал я, исходя из своих потребностей и возможностей, а выполнять план после встречи с родными приходилось уже, учитывая интересы и возможности всей большой семьи и прежде всего жены, у которой на этот счет были свои резоны.

– Как уходить? – с волнением спросила она. – А дети? Ты же их еще не видел! Только не сегодня! Нет-нет! Завтра! Завтра!

Я заколебался. Потом, поразмыслив, решил, что один день ничего не решает. Более того, повидав детей, я еще более духом воспряну. Договорились, что я проведет день в хлеву, потом встречусь с детьми и только после этого уйду в лес».

О появлении отца я еще не знал. После завтрака я хотел уйти на улицу, но мама меня задержала. Она стала доставать платья и примерять их. Наконец, выбрала из всех самое нарядное. Меня же заставила надеть матросский костюмчик, который я ни разу после приезда в деревню так и не надел. Я ничего не понимал – зачем все эти одевания и переодевания, но было приятно снова увидеть нас в городской одежде, от которой мы уже отвыкли.

Отец в это время стоял в хлеву, прикинув к щели в воротах и с нетерпением ожидал появления своих детей. Время от времени из дверей хаты кто-то из родственников выходил, но жена с детьми не показывалась. Им начало овладевать беспокойство. У ног его, поскуливая, вертелся Додик, держа на весу перебитую лапу. Он узнал отца и жаловался ему. Отец тоже мог бы пожаловаться, но кому? «Непобедимая и легендарная» армия неожиданно оказалась опрокинутой. А ведь готовились! И вот теперь он – боевой командир Красной Армии скрывается в хлеву от немцев вместе с дворовым псом. Стыдно не только перед родными, но и перед самим собой!

Наконец, дверь хаты распахнулась и на пороге показались мы. Мама одной рукой прижимала к груди конверт со Светой, а другой подталкивала впереди себя меня. Подойдя к хлеву, она приоткрыла дверь, протолкнула вперед меня и застыла в проеме со свертком на руках. «Вот и мы!» – торжественно произнесла она. Отец так описывает впечатление, испытанное им от встречи с нами.

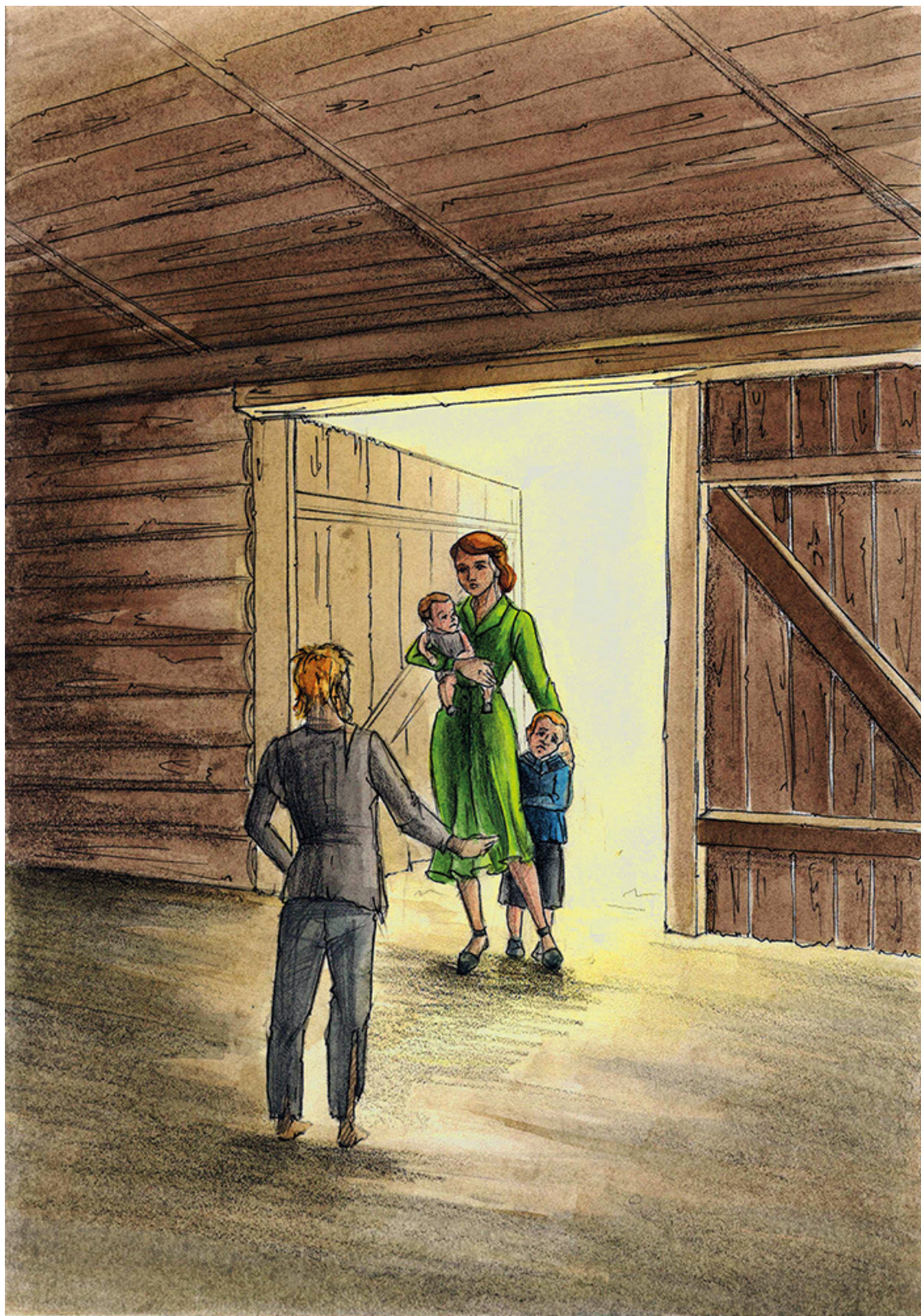
«Солнечные лучи освещали [жену] сзади, образовав вокруг ее головы нимб, что делало ее похожей на святую Марию с младенцем на руках. Молодая, красивая женщина... стояла и вопрошающе смотрела на меня. На ней было лучшее ее платье, которое я подарил ей. А рядом был сын в матросском костюмчике, в который он был одет, когда уезжал из Черновиц.

Мне надо было что-то сказать, как-то выразить свою радость, но мысли смешались в голове, в горле что-то забулькало. Тогда я протянул руку, чтобы погладить своего сынишку, но тот спрятался за мать. Жена поняла, что он меня не узнал, и, вытащив его из-за спины, тоненьким голоском, растягивая слова, проговорила: «Сы-ы-нок, это же твой па-а-па». Сын удивленно смотрел на меня и не мог поверить, что этот бородатый мужик в рваной одежде – его отец. Наконец, овладев собой, я стал убеждать его, что я – действительно я. Скорее всего, убедили его в этом не мои слова, а мой голос, который он помнил. Осмелев, он спросил: «Папа, а почему ты такой страшный?». Я неудачно пошутил: «Чтобы испугать немцев». Жена засмеялась и ее смех на какое-то время вернул меня в то далекое предвоенное время. Я уже более уверенно подошел к ней, заглянул в конверт, где безмятежно спала моя крошечная дочь, и погладил сына».

Увидев своих детей, отец обрел спокойствие, а вместе с ним – еще большую решимость действовать в соответствии с намеченным планом. Когда мама услышала об этом, она сказала:

– Бодик! Да куда ты такой пойдешь? Тебя такого грязного, обросшего и вшивого и в партизаны не возьмут! Надо сначала привести себя в порядок!

Доводы мамы оказались для отца убедительными. Решено было на один-два дня отложить осуществление его намерения, чтобы придать ему вид, который никого бы не пугал. Дед истопил баню, бабушка приготовила чистое белье и верхнюю приличную одежду, мама его постригла, ну а он сам сбрил бороду.

После бани отец сел за кухонный стол. Перед нами оказался молодой парень лет 18-19, хотя ему в то время было 28. Как вспоминал сам отец, посмотрев на себя в зеркало, он увидел перед собой деревенского паренька, который в 1931 г. уезжал поступать в военную школу. Хотя прошло с тех пор около 10 лет, но те 700 км., которые пришлось ему прошагать от Черновиц до Гомеля, кормясь изредка только тем, что подавали сельские жители, вернули его в юношеский возраст.

Мы окружили отца и разглядывали его, так как и в таком виде он не был похож на того, кого все знали по довоенным встречам. Женщины охали, ахали, шутили и смеялись. Деда дома не было, а им и в голову не пришло принять меры предосторожности. Дверь в хату оказалась открытой и к нам неожиданно зашла соседка. Как ни странно, хотя и с трудом, она узнала отца. А это означало, что завтра, а может быть уже и сегодня, вся деревня будет знать о его возвращении. Отец сразу понял, что на плане придется поставить крест, так как, если он уйдет, то жену, а может быть и других родичей, замучают в гестапо, пытаясь узнать его местонахождение.

Дед, узнав о случившемся, сильно расстроился, накричал на женщин, но потом взял себя в руки и отправился к старосте, которому сказал, что его дочь с мужем бежали с Западной Украины и он их приютил как беженцев, не имеющих ни кола, ни двора. Староста все это выслушал и не стал задавать никаких вопросов. Это в общем не имело никакого значения, так как было сделано главное – сообщено старосте о прибытии родственников, то есть выполнено требование приказа немецких властей.

Очистив себя от грязи и вшей, переодевшись в чистую одежду, отец мог бы на какое-то время расслабиться, передохнуть. Тем более, что не надо было искать пристанище, а рядом были родные ему люди. Но расслабиться не получалось. Наоборот, возникло тревожное ожидание ареста. Мама, ничего не говоря, приготовила узелок с необходимыми вещами и положила его на дно шкафа.

Прошло несколько часов, потом дней, но немцы не появлялись. Отец, чтобы не сидеть без дела, стал заниматься с нами, детьми, а потом и делать кое-что по хозяйству. Правда, особой нужды в его помощи не было, так как хозяйство было небольшое – всего одна корова, да и женщины со всеми делами справлялись сами. Но это участие в ведении хозяйства отвлекало его от тревожных мыслей, ослабляло напряженность.

Вскоре стало ясно, что запасов картошки и зерна до лета не хватит – семья увеличилась. Теперь она насчитывала шесть человек взрослых и троих детей. Особенно болезненно воспринял приближение этой продовольственной проблемы отец, так как чувствовал себя, как говорили в народе, дармоедом. На семейном совете, собранном по этому поводу, дед сказал отцу, что надо «выходить в люди», так как таких, как он, в деревне несколько человек и немцы их не трогают.

Отец буквально на следующий день, следуя совету деда, пошел «в люди», то есть стал предлагать свои услуги жителям окрестных деревень. В Рудне это делать он стеснялся. Надо сказать, что «дело пошло», так как в деревнях остались одни старики и женщины с детьми и нужда в помощи со стороны была большая. Отец не чурался никакой работы: пахал, косил, молотил, чинил крыши, благо крестьянские навыки ему были привиты с детства. Как результат – он стал приносить домой кое-какие харчи и уже садился за стол на правах равноправного едока.

Следуя примеру мужа, мама тоже решила внести свой вклад в решение этой проблемы. Она стала ходить по деревням и менять на продукты привезенное из Черновиц барахло. Если в деревнях в то время и возникли серьезные трудности с продовольствием, так как немцы основательно вычистили все хлевы, оставив только одних коров, но все же кое-какие запасы оставались, то в отношении промышленных товаров – платьев, туфель, ботинок и т. д. дело обстояло еще хуже. Все это можно было купить лишь на базаре в тридорога или выменять на продукты. Поэтому походы мамы оказались еще более успешными. К тому же выяснилось, что за вещи можно достать соль, которая на оккупированной территории была дороже золота. Ее нельзя было ни купить, ни выменять на продукты.

Усилиями отца и мамы продовольственная проблема отступила на задний план. Но вместо нее появилась другая – теснота. Хата состояла из двух половинок. В передней, являющейся одновременно и кухней, находилась русская печь, на которой ютилась прабабушка Домна, и нечто вроде топчана возле печки, на котором спали дед и бабушка, и кухонный стол, придви-

нутый к самому окну. Во второй половине хаты располагались тетя Аня с Ларисой и мы вчетвером. Получалось, что в небольшой хате жило 9 человек. Тесновато, конечно, но ни дед, ни бабушка никогда ни к кому не предъявляли никаких претензий. Все делилось поровну, ко всем было одинаково внимательное отношение. Тем не менее, чувствовалась некоторая напряженность в отношениях, особенно когда собиралась вся семья.

Отец это хорошо чувствовал. Более того, он считал, что виновником этого является он, так как пришел в чужой дом и теперь мозолит всем глаза. В буквальном смысле он был примаком и это его угнетало. Выход из положения виделся такой – снять пустующую хату или построить свою. На то и другое нужны были деньги, которых не было. Поэтому он внутренне переживал, но терпел.

Была еще одна проблема, может быть гораздо более серьезная, которая не давала отцу покоя, – как уйти в партизаны? От прежнего плана пришлось отказаться, но что дальше? После мучительных размышлений он пришел к мысли, что надо податься в партизаны всей семьей. Жена предвоенными тренировками и марш-бросками была подготовлена для этого, да и сын мог бы не только выдержать, но и оказаться полезным. Загвоздкой была Света. Ей тогда исполнилось полгода и в партизаны ей не то что идти, но и ползти было еще рано. Надо было оставить ее у кого-нибудь из дальних родственников, но готовых взять ее к себе, не находилось. Обременять себя лишними заботами никто не хотел, да и платить было нечем.

Время шло. Впереди была зима. Ее приближение требовало от всех деятельного участия в подготовке к ней. И отец отложил осуществление своего плана. Тем более, что не только не знал – куда пристроить малышку, но и где эти партизаны. Об их существовании никто ничего не знал, а сами они о себе пока не давали знать.

Беглянки

Зима пришла рано. Еще не закончился ноябрь, а снега уже навалило много. Хаты были засыпаны по самые ставни. По дороге, связывающей поселок с деревней, никто не ездил и не ходил и ее совсем замело. Хотя мы оказались отрезанными от остального мира, но жить было можно, так как дрова были и припасы кое-какие оставались. Что было плохо, так это то, что к нам перестали поступать вести о положении на фронте, хоть и устаревшие и переиначенные. Это негативно отражалось на состоянии деда. По утрам, заканчивая завтрак, он уже не мог произнести интригующе «Ну, так вот...». Теперь не от чего было оттолкнуться, чтобы затем нарисовать перед нами пусть и выдуманную, но принимаемую нами всерьез обстановку на фронте.

Однажды в одну из ночей, когда за стенами хаты мела пурга, а мы, дети спали на теплой печке вместе с бабой Домной, тесно прижавшись друг к другу, в окно кто-то не то постучал, не то поскреб. Отца дома не было, а во второй половине хаты спали только тетя Аня и мама. Мы уже отвыкли от ночных гостей, но женщины этот стук уловили и сразу же разбудили деда. Мы тоже проснулись. Дед, сунув ноги в валенки и набросив тулуп, быстро вышел во двор. Вскоре дверь отворилась и в хату кроме деда еще кто-то вошел. Это мы определили по шарканью ног и какой-то возне у порога.

Дед зажег керосиновую лампу и поднял над собой. Свет выхватил из темноты две маленькие, безмолвно застывшие, заснеженные фигурки – сухонькой сгорбленной старушки и девочки лет трех-четырех, державшихся за руки. Когда глаза привыкли к свету, то мы более подробно их разглядели. Старушка была в какой-то облезлой шубейке, голова ее была непокрыта, на волосах лежал снег. Девочка была перевязана крест-накрест вязаным платком, к которому она прижимала куклу. На одной из ее ножек был валенок, а на другой – только носок.

Увидев деда, а потом и всех нас, девочка улыбнулась, а потом показала пальцем на куклу. Может быть, хотела этим сказать, что их трое. Старуха попыталась что-то объяснить деду, но слова застревали у нее в горле, и она лишь беззвучно шевелила губами, устремив на него глаза, полные отчаяния и мольбы о помощи. Чувствуя, что не может справиться с речью, она рукой стала показывать то на девочку, то на дверь, то куда-то в темноту за окном. Но и без всяких слов, без этих жестов было понятно: облава на евреев. Мы давно были наслышаны об этом, а вот теперь довелось увидеть тех, на кого шла охота.

Дед, впустив беглянок в хату, не забыл, однако, про осторожность. Хотя немцы по ночам и не ходили, но здесь был особый случай. Преследователи могли идти по следам и с минуты на минуту оказаться здесь. Поэтому он, не теряя времени, сразу скомандовал:

– Лариса, возьми малую на печку, а ты, Анюта, подбери ей что-нибудь на ногу. Ты, Шура, займись старой, ну а ты, мать, – обратился он к бабушке, – собери им на дорогу.

Затем, нахлобучив шапку и прикрутив фитиль у лампы, он бросил мне:

– Давай, внучок, к Тихону, предупреди его, что потребуется баня.

Зимой в поселке все пользовались только одной баней – Тихона, которая находилась посреди поселка в сосоннике. Это было экономно, так как топили баню по очереди и вымыться в один день могли 2-3 семьи. Баня была сложена из толстых бревен, долго сохраняла тепло и ее не надо было размораживать. Это позволяло также использовать ее в качестве приюта для беженцев в холодное время года.

Мы засуетились, так как хорошо осознавали нависшую над нами опасность. Быстро одевшись, я выбежал на улицу. Деда я обнаружил у ворот хаты. В длинном тулупе, весь облепленный снегом он походил на ночное привидение. Он, прикладывая время от времени ладонь к уху, напряженно вслушивался, пытаясь уловить подозрительные звуки. Но ничего, кроме свиста ветра, не было слышно. Трудно было поверить, что кто-то в такую пургу и по таким сугробам сможет пробраться к нам в поселок. Однако два маленьких существа, отогревавшихся сейчас в хате, опровергали своим появлением этот вывод. И это было непостижимо. Как выяснилось позже, дед тоже думал об этом. Для него после встречи с дядей Алексеем это был второй случай, когда сила человеческого духа оказывалась намного выше, чем он мог предположить, опираясь на свой долгий жизненный опыт.

Сходя к Тихону и предупредив его о появлении беглянок, я вернулся назад и застал деда на том же месте. Выслушав мой рапорт, дед наклонился ко мне:

– Иди и поторопи баб. Надо уже выходить.

В хате после мороза было жарко и сладко пахло каплями датского короля. Когда глаза мои присмотрелись, я увидел лежащую возле печи старшую из беглянок и колдовавших над ней женщин. Старуха была в глубоком обмороке и женщины пытались привести ее в сознание. Ее внучка, напротив, согревшись и почувствовав заботу о себе, пришла в себя, заговорила. Она сидела на печке без платка, расстегнутая, свесив ноги: одну в валенке, а другую – в бурке, которую смастерила ей тетя Аня. По всему выходило, что беглянки могли выступить только в половинном составе, о чем я незамедлительно доложил деду. Тот встревожился и, оставив меня на посту, побежал в хату.

Метель не унималась. Снежные заряды то с одной, то с другой стороны обрушивались на поселок, задавшись, казалось, целью вовсе похоронить его под толщей снега. Прошло довольно много времени, а дед не появлялся. Как позже я узнал, он, как ни старался быть спокойным, все же был в замешательстве. Старуху удалось отходить, но она была настолько слаба, что он не знал, что дальше делать. Может быть, впервые за свою жизнь, он обратился за советом к женщинам. Те в один голос заявили, что беглянок надо спрятать у нас: старуха до бани не дойдет, а если отвезти ее туда на санках, то все равно одну ее там оставлять нельзя, ей нужна помощь.

Дед с предложением женщин согласился. Старуху, прежде чем куда-либо прятать, надо было бы напоить горячим молоком, но для этого нужно было растопить печь. Это же позволило бы немцам или полициям по дыму из трубы выйти на нашу хату. Поэтому ее напоили лишь теплым бульоном от борща, завернули в тулуп и отнесли в хлев, где спрятали в соломе.

С девочки же сняли пальто, валенок и бурку с ног и втиснули к нам на печку. Так неожиданно наша детская команда пополнилась еще одним юным существом с неизвестным нам до сих пор именем Ида.

Ночь выдалась тревожная. Мы вздрагивали от каждого шороха за дверью, от каждого звука. Лишь под утро, когда пурга утихла и забелели окрестности поселка, напряжение в хате спало. Теперь неожиданно в поселок никто не мог заявиться. Пространство между деревней и поселком просматривалось и в случае чего можно было принять необходимые меры.

Старуху привели в хату, напоили горячим молоком и она, придя в себя, уже могла говорить. Дрожащим голосом, запинаясь и заикаясь, она поведала нам о ночном кошмаре, из которого ей с внучкой чудом удалось выбраться. Женщины ахали, всхлипывали, только дед молчал. Он сидел прямо, теребил бороду и смотрел куда-то мимо старухи, погрузившись в какие-

то свои мысли. Только когда выяснилось, что беглянки пришли в поселок из Ветки, преодолев в пургу по сугробам около семи километров, дед вдруг взорвался. Вскочив с места и заходяв по хате, он взволнованно заговорил:

– Это надо же дойти до такого – охотиться на баб с детьми! Это в кого же надо превратиться, чтобы стрелять вот в них (он ткнул пальцем в Иду).

– Говнюки! Вонючие скоты! – закричал он, тыкая пальцем куда-то в сторону Ветки. – Ублюдки!

Таким разъяренным я деда никогда не видел. Он долго еще бегал по хате, выкрикивая ругательства и размахивая руками. Возможно долгая изоляция от внешнего мира, отсутствие хороших вестей с фронта, да еще бессонная ночь и страх, поселившийся в хате вместе с беглянками, вызвали у деда этот нервный срыв.

Зимний день, хотя и был коротким, но казался нам очень длинным. Мы с дедом, поочередно сменяя друг друга, топтались целый день у ворот, держа под наблюдением все подходы к поселку. Когда, наконец, стемнело, беглянок снарядили в дорогу. За сутки мы успели привязаться к девочке и просили деда оставить ее у нас. Дед вроде не возражал, но бабушка Иды была против. И теперь маленькое существо, туго перетянутое крест-накрест платком, с валенком на одной ножке и буркой на другой, с прижатой к груди куклой стояло у порога, готовое к ночному походу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.